

Т. А. Воронина

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПОСТА (XIX – НАЧАЛО XX в.)¹

ВВЕДЕНИЕ

С о времени принятия православной веры русский народ стал соблюдать посты, на которые приходится более 200 дней в году, т.е. большая часть года. По уставу Русской Православной Церкви многодневными являются Великий, Петров, Успенский и Рождественский посты; однодневные посты, помимо еженедельных в среду и пятницу, соблюдаются в Крещенский сочельник, в день Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи и в день Воздвижения Креста Господня.

Практика воздержания распространялась не только на ограничение верующими потребления определенного рода пищи, но и на их поведение с окружающими и в быту. Это отразилось, в частности, в подготовительном периоде перед наступлением того или иного поста, в традиционных формах досуга и развлечений, в чтении литературы, в брачно-семейных отношениях, в личных и общественных постах. Таким образом, соблюдение поста имело религиозно-нравственные аспекты.

Темы поста касались многие отечественные ученые, но из них прежде всего хотелось бы назвать М. М. Громыко и такие ее труды, как «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.)», «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» и «Мир русской деревни». В них она обратила особое внимание на изменение традиционных форм развлечений (особенно хороводов) и этики поведения представителей старшего

и среднего поколения, а также молодежи с наступлением многодневных постов. Ограниченным становился круг развлечений замужних и женатых, не принимавших участие в развлечениях и играх молодежи. Вообще общественные формы досуга замужних женщин, например, в Сибири, сводились к совместной заготовке квашеной капусты («капустки»), помощи в хозяйственных домашних делах («супрядки») и т.п. По традиции начиная с Филипповского заговенья (13 ноября) молодежь чаще собиралась по очереди в доме каждого парня и каждой девушки, а на время Великого поста редкие вечерние развлечения молодежи становились все более строгими². Как пишет С. Чернышева, эта традиция бытовала и у старообрядческого населения³.

Соблюдение поста было характерно и для русских крестьян Зауралья, о чем сообщает в своих работах Н. А. Миненко «Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в.» и «Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.». Используя свидетельства современников, она показала, что церковь сыграла большую роль в жизни уральской деревни, что отразилось в соблюдении постов⁴. В работах других исследователей рассмотрены религиозно-нравственные аспекты соблюдения постов крестьянами Урала и Сибири на примере их традиционных развлечений⁵. На широкий круг развлечений крестьян Западной Сибири как части духовной культуры указывала

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00455).

² Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Она же. Мир русской деревни. М., 1991.

³ Чернышева С. Музыкальная культура русского населения Верхотурья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 129–138.

⁴ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Сов. этнография. 1979. № 6. С. 18–31; Она же. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989; Она же. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. М., 1991.

⁵ Некоторые обобщения на эту тему приводятся в статье: Воронина Т. А. Традиционные формы досуга сибирских крестьян во время поста // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 105–108.

В. И. Смирнова, которая привела свидетельства краеведов о высокой нравственности и религиозности сибиряков⁶. О. Н. Шелегина отмечает, что замужние крестьянки Западной Сибири устраивали вечерние и дневные посиделки или беседки со второй недели Великого поста⁷. Благодаря работам Т. С. Мамсик и И. Л. Маньковой становится очевидным факт грамотности значительной части сельского населения Сибири. Это позволяло крестьянам в свободное от полевых работ время заниматься чтением духовной литературы, особенно в дни постов⁸.

В ряде работ этнографов анализируются нравственные аспекты соблюдения поста в крестьянской среде, включающие чтение духовной литературы. Как пишет М. М. Громыко, посвятившая этой теме специальную статью, в конце XIX в. «возрастные различия в круге чтения выражались обычно в предпочтении старшими духовной литературы»⁹. Это созвучно исследованиям А. В. Буганова, который, проанализировав материалы Тенишевского бюро, отмечает, что большинство его корреспондентов выделяли религиозно-нравственную и историческую тему в качестве основных в круге читательских интересов крестьян¹⁰.

Основные нормы христианской жизни и нравственности прививались с раннего детства через практику поста — об этом пишет Т. А. Листова, приводя опыт исследования этой практики в севернорусских деревнях. Причем помимо принудительных мер по отношению к маленьким детям практика поста преподносилась им и в виде шуточных угроз. На время поста и особенно Великого у многих парней родители отбирали гармошки и другие музыкальные инструменты¹¹.

Исследованию русского православного поста как особого духовно-культурного феномена была посвящена монография и ряд статей Т. А. Ворониной¹². В этих работах впервые рассматриваются как общетеоретические вопросы, касающиеся

складывания общерусской культуры поста, так и частные аспекты, приуроченные к региональным особенностям этой православной традиции¹³.

Несмотря на нередкие обращения к теме поста, очевидно, что потребность в теоретических и культурно-исторических разработках русского православного поста требует дальнейшего исследования, которое предусматривает все аспекты жизнедеятельности, т.е. практику и представления, связанные с постом. Отсюда цель статьи — обобщить материалы в области поведенческих и религиозно-нравственных установок во время поста, включая особенности внешних проявлений их религиозности, отношение к окружающим, развлечения и т.д. Настоящее исследование предполагает определение религиозно-нравственных аспектов поста в рамках проблемы взаимодействия нравственности и религиозности в традиционной народной культуре. Оно включает новые выдержки из научной и художественной литературы, а также рассуждения о значении поста в жизни русских.

Основной теоретический результат видится в выявлении органичной связи традиций духовной и материальной культуры в их конкретном историческом развитии. Следует также отметить выделение общих черт и особенностей в бытовании традиции в разных социальных стратах. Решение поставленной задачи находится в контексте изучения религиозного сознания народа и его конфессиональной практики.

В качестве источника были использованы документы Архива Российского этнографического музея (далее — АРЭМ), включающие материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (Тенишевское бюро), созданного им в 1890-е годы в Санкт-Петербурге. Они представляют собой ответы корреспондентов из разных губерний на различные вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России».

⁶ Смирнова В. И. Изучение досуга и развлечений крестьян краеведами Западной Сибири (40–60-е гг. XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 30–40.

⁷ Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992.

⁸ Мамсик Т. С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII – начало XX в. С. 105–120; Манькова И. Л. Круг чтения и читательские интересы // Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 292–308.

⁹ Громыко М. М. Круг чтения русских крестьян в конце XIX века // «В начале было слово». Праздник славянской письменности и культуры в Новгороде. Л., 1990.

¹⁰ Буганов А. В. Что читали русские крестьяне // Российская провинция. 1994. № 1. С. 98; Он же. Духовная книжность и письменность русских крестьян XIX века // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 316–332.

¹¹ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2010. С. 575–660.

¹² Воронина Т. А. Русский православный пост: от первых установлений — к современной практике. М., 2011.

¹³ См., напр.: Воронина Т. А. Особенности постного рациона вологодских крестьян в конце XX века (по материалам Тенишевского бюро) // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2014. № 15. С. 101–111.

В них обнаружено немало сведений о соблюдении постов в разных губерниях Российской империи (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1–2).

В известной степени важным источником стала художественная литература, в собирательных образах которой нашли отражение как нравственные идеалы русского общества на различных этапах отечественной истории, так и христианские образы и мотивы¹⁴.

Особое место тема поста занимает в творчестве А. П. Чехова (1860–1904), обратившего внимание на пост не столько как на внешнее проявление религиозности, сколько как на религиозно-нравственные аспекты его соблюдения¹⁵. Во многих его рассказах – «Накануне поста», «На Страстной неделе», «Мужики», «Студент» и др. имеются размышления на нравственные темы¹⁶. Эти рассказы убедительно показывают, насколько важной была для писателя тема поста. Раскрывая широкую гамму личных переживаний своих героев, он демонстрирует большую роль поста как время покаяния в жизни верующих. Поражает также знание писателем библейских событий и точное цитирование евангельских текстов, свидетельствующее о том, что по образу жизни и по образу мыслей он был настоящим христианином. Это подтверждает и статья И. С. Шмелева о творчестве А. П. Чехова, опубликованная в 1952 г.: «...он целомудренно *религиозен* – он – *свой* в области высокорелигиозных чувствований» (курсив И. С. Шмелева. – Т. В.)¹⁷.

Тема поста присутствует в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) «Господа Головлевы», созданном в 1875–1880 гг. В нем особо подчеркивается, что многие его герои с детства воспитывались в религиозном духе, посещали храм, молились, знали все церковные праздники. Оказывается, даже главный герой Порфирий Владимирович – Иудушка – благодаря матери с детских лет усвоил обычай посещения храма на Страстной неделе и обязательного стояния на Двенадцати Евангелиях в Великий Четверг. Именно это помогло ему осоз-

нать греховность всей своей жизни и покаяться перед внезапной кончиной¹⁸.

В драме А. Н. Островского (1823–1886) «Гроза» (1859), в которой ярко представлен патриархальный быт Замоскворечья, именно время поста заставляет купца Дикого открыть купеческой вдове Кабановой содеянный им грех¹⁹.

В романе А. И. Эртеля (1855–1908) «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1890) показана жизнь нескольких поколений одной воронежской семьи. Однако назидательные увещевания отца сыну-студенту чаще ходить в церковь, почитать старших, почтее говеть, «а также и приобщаться святых и страшных Таин, беспременно кажинный год...» постепенно вызывают у сына неприятие²⁰.

Писатель-сказочник Б. В. Шергин (1893–1973) посвятил свой сборник «Поморские были и сказания» (1957) жителям Беломорского побережья Архангельской губ., разделявшим календарный год на праздники, будни и посты. Наряду с описанием их повседневного быта как на материке, так и во время рыболовного промысла он не забыл написать, что в дни Великого поста они занимались чтением духовной литературы²¹.

Годовой круг, неразрывно связанный с днями поста и памятные даты православного календаря, – от заговенья к разговинам – составлял земную жизнь верующих людей. Именно в четком разделении календарного года на пост и мясоед писатель В. В. Розанов (1856–1919) видел объяснение особенного характера русского человека: «Он живет не ровным темпом, а полосами, порывами, в сущности – увлечениями, то в сторону грусти, то в сторону необузданного веселья и всяческого невоздержания»²².

Подлинные сведения о практике поста среди представителей разных сословий в XIX в. содержит сборник «Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия», написанный в жанре мемуарной прозы²³. Некоторые его авторы – И. А. Белоусов, Н. В. Давыдов, И. А. Слонов,

¹⁴ Воронина Т. А. Тема поста в русской художественной литературе XX века // Русская литература XX века в контексте мировой культуры: VI Крымские Международные Шмелевские чтения. Алушта, 1997. С. 249–254.

¹⁵ Воронина Т. А. Религиозно-нравственные аспекты православного поста в произведениях А. П. Чехова // Язык и личность в поликультурном пространстве: Сборник статей. М.; Севастополь, 2012. С. 470–476.

¹⁶ Чехов А. П. Собр. соч. В 18 т. М., 1984. Т. 5; М., 1985. Т. 6; М., 1986. Т. 8; М., 1985. Т. 9.

¹⁷ Шмелев И. С. Творчество А. П. Чехова // Шмелев И. С. Собр. соч. В 8 т. М., 1999. Т. 7. С. 547.

¹⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Сказки. М., 1985. С. 282.

¹⁹ Островский А. Н. Гроза. Л., 1964.

²⁰ Эртель А. И. Гарденины. М., 1980.

²¹ Шергин Б. В. Изящные мастера: Поморские былины и сказания. М., 1990.

²² Розанов В. В. Пасха в соборе св. Петра // Розанов В. В. Среди художников / сост., подг. текста и вступ. ст. А. Н. Николукина. М., 1994. С. 28–30.

²³ Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.

Н. Д. Телешов — связывали время поста с отменой театральных представлений на время Великого поста, с традицией московских ремесленников просить прощения у хозяев в Прощеное воскресенье и т.д. Их воспоминания дополняют очерки В. А. Гиляровского, который также упоминает об обязательном закрытии всех отечественных театров на время Великого поста²⁴.

Среди сонма русских классиков выделяются те, кому пришлось заниматься литературным творчеством вдали от Родины, в изгнании. Вот почему их произведения относятся к «возвращенной» литературе, т.е. к той, что сравнительно недавно вернулась в Россию. Красочные описания подготовки к посту и его проведения среди обитателей Замошворечья в конце XIX в. в купеческой и мещанской среде имеются в произведениях И. С. Шмелева (1873–1950). В романах «Лето Господне» и «Богомолье» он писал о благочестивых обычаях москвичей, включая подготовку к постам, в ракурсе годового цикла праздников церковного календаря, о безвозмездной помощи бедным и т.д.²⁵ Этим описаниям традиций противопоставляется рассказ землемера «Свет вечный» об истинном подвижнике благочестия из крестьянской среды, который не отрекся от веры и в богоборческие годы и продолжал свято чтить все установления православной церкви, включая посты²⁶.

Среди «возвращенной» литературы есть произведения писателя, чье имя занимает особое место в литературе русского зарубежья. Это — В. А. Никифоров-Волгин (1901–1941), чьи рассказы и повести включают воспоминания о своем детстве и очень созвучны шмелевским воспоминаниям, особенно о подготовке к Великому посту. Тесная связь с народной средой ощущается в почти фольклорном пересказе подготовительных седмиц к Великому посту²⁷.

У тех, кто навсегда покинул Родину, навсегда запечатлелись в памяти православные обычаи и обряды, связанные со Страстной седмицей в преддверии встречи Пасхи. Вот почему один из своих рассказов Б. К. Зайцев (1881–1971) назвал «Двенадцать Евангелий» (1939); он напоминал ему и другим русским эмигрантам традицию стоять в храме в Чистый Четверг с зажженной свечой²⁸.

У И. С. Шмелева, как и у Б. К. Зайцева, пост и молитва рассматриваются как путь нравственного совершенствования.

К. М. Веригин (1898–1982), проведший свое детство в дворянской усадьбе в Орловской губ., покинул Россию в 1920 г. вместе с остатками Добровольческой армии и перебрался во Францию, в г. Лилль. Долгие годы он служил парфюмером в доме моделей К. Шанель. Прожив большую часть жизни в эмиграции, К. М. Веригин сердцем оставался в России, помнил о ней до мельчайших подробностей и был «проникнут, — по его словам, — волнами ее благоуханий». В своих воспоминаниях он попытался восстановить в памяти образ России через ее неповторимый «аромат, записать гамму его нот, зарисовать цвета его радуги»²⁹. Частью этих воспоминаний стало время поста.

Тема поста была созвучна И. Столярову (1882–1953), уроженцу Задонского у. Воронежской губ., написавшему в эмиграции «Записки русского крестьянина». Он вспоминал, как в его родном селе заранее готовились к предстоящим постам и как резко менялись традиционные увеселения молодежи³⁰.

Духовный опыт постничества и назидания верующим оставил в своем «Дневнике» святой праведный Иоанн Кронштадтский. Его личный опыт постничества нашел отражение в дневнике «Моя жизнь во Христе».

В воспоминаниях выдающегося иерарха Русской Православной Церкви митрополита Вениамина (Федченкова, 1880–1961), выходца из крестьян Кирсановского у. Тамбовской губ., отразились воспоминания о подготовке к посту в годы его детства и юности, пришедшиеся на переломный момент в жизни России на рубеже XIX–XX вв.³¹

В книге епископа Варнавы (Беляева) приводятся факты из биографии схииерхимандрита Гавриила (Зырянова), родители которого — крестьяне Ирбитского у. Пермской губ. — были очень верующими. Время Великого поста было и для этой семьи особенным³².

Переживания, связанные с подготовкой к посту и исповедной практикой в детские годы, отразились в воспоминаниях наших современников. Жительница с. Зятково Талдомского района Москов-

²⁴ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1983.

²⁵ Шмелев И. С. Богомолье // Шмелев И. С. Собр. соч. В 5 т. М., 1998. Т. 5. С. 17.

²⁶ Шмелев И. С. Свет вечный. Рассказ землемера // Шмелев И. С. Собр. соч. В 5 т. М., 1998. Т. 3.

²⁷ Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох: Избранное / сост., послеслов. и коммент. С. Исакова. М., 1992.

²⁸ Зайцев Б. К. Знак Креста. М., 2000.

²⁹ Веригин К. Жизнь в ее ароматах... // Родина. 1997. № 6. С. 103–107.

³⁰ Столяров И. Записки русского крестьянина. Париж, 1986.

³¹ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 105.

³² Варнава (Беляев), еп. Тернистым путем к небу. М., 1996. С. 46.

ской обл. Г. П. Владимиров, вспоминая детские годы, которые пришлось на начало XX в., пишет о семейной традиции обязательно посещать храм во время Великого поста и причащаться³³. О тех же переживаниях в детстве перед исповедью пишет и уроженка с. Дединово Егорьевского у. Рязанского губ. М. П. Немова (1908–1991)³⁴.

Периодика составляет еще одну группу источников. Часть материалов о нравственных аспектах поста была опубликована корреспондентами журнала «Этнографическое обозрение» – издания Этнографического отделения Общества любителей естествознания, археологии и этнографии (ОЛЕАЭ, 1889–1916). Среди них можно отметить «Очерки Пошехонья» А. В. Балова, который отмечал прекращение шумных молодежных встреч с традиционными песнями и танцами под аккомпанемент гармошки с началом Великого поста в Ярославской губ.³⁵ По сообщению И. Чеканинского, у жителей селений Енисейской губ. молодежные «вечерки» с играми и песнями также заканчивались перед началом Великого поста³⁶. М. А. Дикарев писал в 1896 г., что на Кубани в слободе Борисовке Валуйского у. среди молодежи на традиционных встречах – «вечерницах» – в течение Рождественского поста не допускался даже конкурс отгадывания загадок³⁷. Как писал П. Дилакторский, в Вологодской губ. тоже менялся характер традиционных форм досуга молодежи, и в Рождественский пост «посиденки» (посиделки) устраивали без плясок и песен – за этим следили строгие родители³⁸. Ип. Крашенинников, побывавший у казаков Оренбургской губ., отмечал, что они танцевали и пели «рождественские» песни только на святках³⁹. Н. Мендельсон писал, что

жители Зарайского у. Рязанской губ. не пели и во время Петрова поста⁴⁰. М. Н. Сперанский сообщал в своей статье, что в Курской губ. духовные песни во время поста исполняли лирники⁴¹. В. Н. Добровольский отмечал, что крестьянки Калужской губ. мотали спряденный лен Филипповками⁴².

Часть статей, которые содержат информацию о нравственных аспектах поста, была опубликована в журнале «Живая старина». Так, житель с. Усть-Ницынская Тюменского округа Тобольской губ. Ф. Зобнин писал, что во время постов на посиделках девушки занимались только вышивкой полотенец, а во время Филипповского поста в основном пряли лен⁴³. С. Мельников отмечал, что в городах Вологодской губ. во время Рождественского поста запрещались вечеринки и игрища⁴⁴.

Один из авторов «Этнографического сборника» П. Малыхин писал, что в Воронежской губ. во время многодневных постов нельзя было ссориться⁴⁵.

Религиозно-нравственные аспекты поста освещались и в церковной периодике. Например, в журнале «Христианское чтение» (1821–1894) была опубликована статья священника Алексея Парвова, в которой он обращается к практике поста у первых христиан⁴⁶, а в журнале «Душеполезное чтение» – статья протоиерея Василия Нечаева о недопустимости театральных увеселений в Великий пост⁴⁷.

Отдельные проповеди о посте, помогающие задуматься о покаянии, издавались в виде небольших брошюр. В первой половине XIX в. своими пастырскими проповедями перед началом поста прославился знаменитый богослов святитель Иннокентий (в миру – Иван Алексеевич Борисович)⁴⁸. В слове архиепископа Херсонского и Одес-

³³ Владимиров Г. П. Детские годы в Зятковке // Московский журнал: История государства Российского. 1998. № 7. С. 37–43.

³⁴ Немова М. П. Из «воспоминаний о Дединове и всей моей жизни» // Православие и традиционная народная культура Рязанской области. Рязанский этнографический вестник / под ред. В. В. Коростылева. Рязань, 2001. С. 193–194.

³⁵ Балов А. В. Очерки Пошехонья. 1. Семейные нравы и обычаи: 1) отношение к женщине; брак. 2. Увеселения // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1897. № 4. Кн. 35. С. 67–68, 71, 73.

³⁶ Чеканинский И. Енисейские старины и исторические песни (Этнографические материалы и наблюдения по реке Чуне) // ЭО. 1915. № 1–2. Кн. 105–106. С. 83, 86.

³⁷ Дикарев М. А. О царских загадках // ЭО. 1896. № 4. Кн. 31. С. 16.

³⁸ Дилакторский П. Святочные шалости в Пельшемской волости Кадниковского уезда // ЭО. 1898. № 4. Кн. 39. С. 133.

³⁹ Крашенинников Ип. Хороводные и плясовые песни казачьего поселка Сосновка Челябинского уезда Оренбургской губернии // ЭО. 1904. № 2. Кн. 59. С. 139, 155.

⁴⁰ Мендельсон Н. Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии // ЭО. 1899. № 1–2. Кн. 40–41. С. 385–386.

⁴¹ Сперанский М. Н. Курский лирник Т. И. Семенов // ЭО. 1906. Кн. 68. С. 10, 20.

⁴² Добровольский В. Н. Кросна // ЭО. 1902. № 1. Кн. 52. С. 79.

⁴³ Зобнин Ф. Из года в год. (Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницынском Тюменского округа) // Живая старина (далее – ЖС). 1894. Вып. 1. С. 37–64.

⁴⁴ Мельников С. Вечеринки и игрища в Усть-Сысольске // ЖС. 1898. Вып. 1. С. 480–481.

⁴⁵ Малыхин П. Быт крестьян Воронежской губернии Нижневицкого уезда // Этнографический сб. СПб., 1853. Вып. 1. С. 212–213.

⁴⁶ Парвов Алексей, свящ. Пост Святой Четырдесятницы по правилам древле-каноническим, обычаем древних христиан и законом Греко-римских императоров // Христианское чтение. 1863. Январь–февраль. Ч. 1, отд. 1. С. 307–322.

⁴⁷ Нечаев Василий, прот. Театральные увеселения и Великий пост // Душеполезное чтение. 1876. Ч. 1. С. 398–412.

⁴⁸ Иннокентий (Борисович), свт. Великий пост. Минск, 2001.

ского Никанора, обращенном к представителям высшего общества, присутствовавшим на торжественном обеде по случаю восшествия на престол Николая II в 1889 г., говорилось о недопустимости театральных зрелищ в Великий пост⁴⁹.

Хронологические рамки статьи определены не случайно: в XIX – начале XX в. практика поста носила массовый характер и была особенно широко распространена в народной среде.

Использованные источники и литература позволили в первой части статьи рассмотреть религиозно-нравственные аспекты русского православного поста в следующих параграфах: 1. Подготовка к посту. Прощеное воскресенье; 2. Исповедь. Роль священника; 3. Милостыня. Благотворительность; 4. Досуг и развлечения; 5. Чтение духовной литературы; 6. Пение духовных стихов. Вторая часть исследования будет посвящена влиянию поста на брачно-семейные отношения, на соблюдение личных и общественных постов, паломнической практике.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Подготовка к посту.

Прощеное воскресенье

В соответствии с церковным уставом верующие обязаны были посещать службы и причащаться Святых Тайн. Обычно это совершалось на воскресных службах в приходском храме, где священник сначала исповедовал кающихся прихожан, после чего они могли во время литургии причаститься. Этому предшествовало говение в течение недели, во время которого соблюдался пост. Совершению таинства покаяния способствовали еженедельные посты в среду и пятницу (за исключением сплошных седмиц), которые в отличие от «больших» многодневных постов назывались «малыми» и были призваны напомнить верующим о том, что в среду Спаситель был предан на Страдание, а в пятницу – в память самого Страдания и Смерти Его. В народном сознании они рассматривались как подготовка к многодневным постам.

С наступлением многодневного поста верующие могли причащаться несколько раз, чтобы достойно подготовиться к его окончанию. Мысли и чувства верующих менялись самым коренным образом, заставляя задуматься о суетности мира земного, о своих грехах, сосредоточиться на душевных помыслах и настроиться на покаяние. Таким

образом, временные ограничения в повседневном пищевом рационе тесно сочетались со строгостью поведения в быту и отношением к окружающим. Особенно строгим был Великий пост. Не случайно христианская церковь перед началом Великого поста издавна ввела так называемые подготовительные недели, или «седмицы», которые постепенно настраивали верующих на изменение привычного образа жизни. Это касалось как городских, так и сельских жителей.

В. А. Никифоров-Волгин, проведший свое детство в д. Маркуши Калязинского у. Тверской губ., в сборнике «Дорожный посох» отвел подготовке к многодневному воздержанию отдельную главу – «Кануны Великого поста». Он вспоминал, что в его доме с Мыtareвой недели, т.е. с недели о мыtare и фарисее «перед иконами затепляли лампаду, и она уже становилась неугасимой... Перед обедом и ужином молились “в землю”. Мать становилась строже и как бы уходящей от земли». Постоянным посетителем семьи был нищий Яков Гриб, который щедро пересыпал свою речь поговорками вроде такой: «Готовьтесь к Великому посту – редька да хрен, да книга Ефрем». В сборнике «Земля именинница» писатель отмечает изменения и в поведении окружающих в Чистый понедельник: «Торговцы не ругаются, не зубоскалят, не бегают в казенку за сотками и говорят с покупателями тихо и деликатно»⁵⁰.

Среди подготовительных дней накануне Великого поста особо значимым считалось воскресенье, завершавшее веселую и разгульную масленичную неделю, или «Прощеное воскресенье». Б. А. Успенский отмечал, что «обычай просить друг у друга прощения в этот день может быть славянского происхождения, поскольку в других христианских странах он, кажется, совсем неизвестен»⁵¹. В каждой семье старались доесть оставшуюся скоромную еду и настроиться на соблюдение длительного и строгого поста. Наступала перестройка обычного домашнего уклада для всех членов семьи. В этот день полагалось просить прощения у всех членов семьи, у сослуживцев, друзей, знакомых и т.д., что было характерно для представителей всех сословий.

В городской семье считалось обязательным просить прощения по очереди у всех. Основное действие в рассказе А. П. Чехова «Накануне поста» (1887) происходит в Прощеное воскресенье,

⁴⁹ О театральных зрелищах в Великий пост: Поучение преосвященнейшего Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. М., 1889. С. 11–16.

⁵⁰ Никифоров-Волгин В. А. Указ. соч. С. 184–185.

⁵¹ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирикийского). М., 1982. С. 159.

и отец напоминает сыну, занятому домашними уроками («зубренцией»), о том, что «погуляли, поспали, блинов покушали, а завтра сухоядение, покаяние и на работу пожалуйста». Перед ужином происходит сцена прощания. Сначала кухарка падает хозяину дома в ноги и просит прощения, и он просит у нее прощения, потом кухарка просит прощения у других⁵².

Писатель И. А. Слонов вспоминал, что прощаться с хозяевами было принято и в московской ремесленной среде, где он еще мальчиком проходил обучение башмачному делу. Сам он был родом из Коломны, его дядя нашел место в Ножовой линии у старого башмачника Заборова, в подчинении которого было 10 приказчиков и 13 мальчиков: «В этот день вечером все хозяева и служащие собирались в хозяйской столовой. Старик с хозяйкой садились рядом в кресла. К ним подходили по очереди и кланялись в ноги сначала сыновья, за ними женская прислуга, а затем и остальные служащие. Кланяясь, мы произносили: “Простите меня, дедушка”. Потом прикладывались к его щеке, а у хозяйки целовали руку»⁵³.

В сельской среде прощаться в кругу семьи также считалось обязательным. В Медынском у. Калужской губ. масленицу называли «Прощеные дни», а Прощеное воскресенье — «Прощальное воскресенье». Как писал корреспондент Тенишевского бюро Н. Авраамов, перед тем как ложиться спать родители садились в передний угол избы под иконы. К ним по очереди подходили дети, становились на колени и каждый говорил: «Простите Христа ради, тятенька и маменька! Больше делать дурного не буду». — «Бог простит», — отвечали им родители. После этого дети вставали и целовали у родителей руки. В Мещевском у. Калужской губ. в Прощеное воскресенье ходили по родным прощаться, причем кланялись друг другу в ноги и говорили «Прости меня Христа ради» и в ответ всякий отвечал: «Бог тебя простит, прости и меня грешного», затем целовались. Такой же обряд проделывали и в семье⁵⁴.

Во Владимирской губ. обычай «прощанья» состоял в том, что каждый просил прощения у своих родных и знакомых, припоминая иногда при этом и все свои вины. Нередко даже самые заклятые враги

ходили друг к другу «прощаться», причем каждый по очереди кланялся другому в ноги (ограничиваясь только малыми поклонами), говоря: «Прости меня Христа ради, если в чем виноват!», на что следовало ответить: «Бог простит. И мне прости Христа ради!» В Гороховецком у. к крестному отцу и крестной матери приходили прощаться с пирогом громадной величины — размером в аршин. Г. К. Завойко был известен случай, когда для крестных родителей в с. Никологоры Вязниковского у. был испечен пирог весом в один пуд (16 кг)⁵⁵.

Крестьянка с. Дединово Егорьевского у. Рязанского губ. М. П. Немова вспоминала: «У нас обычно после ужина бабушка садилась, и все просили у нее прощение. Полуседые сыновья, снохи и мы, внуки, бухались ей в ноги, говоря: “Прости меня Христа ради”. Она каждому отвечала: “Бог простит, меня простите” и целовались. Этот ритуал не был унижительным, наоборот, он подчеркивал какое-то душевное очищение»⁵⁶.

И. Столяров вспоминал, как в его родном с. Карачун Сенновской вол. Задонского у. Воронежской губ. «после шумного почти трехдневного веселья, достигшего высшей точки в “Прощеное воскресенье”, все оборвалось вдруг, как обрывается струна скрипки у музыканта в самый патетический момент. Гул толпы, говор, шутки, прибаутки, песни, пляски прекращались, и молчание царило во всем селе. Изредка пройдет кто-нибудь спешным шагом по своим домам. Школьники не ходили в школу на первой неделе поста. Они говели и готовились к исповеди и к причащению, т.е. целую неделю ходили на церковные службы»⁵⁷.

В народе считали, что в Прощеное воскресенье необходимо посетить кладбище. Д. К. Зеленин писал: «В Прощеное воскресенье, т.е. воскресенье перед Великим постом, могут прощаться (просить прощения) как с живыми, так и с мертвыми»⁵⁸. И. А. Кремлева отмечает, что посещение кладбища в Прощеный день было частью похоронно-поминальных обрядов: «Поминование предков являлось одной из основных сторон сложного комплекса русской масленицы»⁵⁹.

С наступлением поста менялся внешний вид верующих. Современники отмечали, что в Ро-

⁵² Чехов А. П. Собр. соч. В 18 т. М., 1985. Т. 6. С. 82–86.

⁵³ Слонов И. А. Указ. соч. С. 219, 225.

⁵⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 540. Л. 1–2 об., 7 об.; Д. 547. Л. 1, 3–4.

⁵⁵ Завойко Г. К. Указ. соч. С. 116–117.

⁵⁶ Немова М. П. Указ. соч. С. 193–194.

⁵⁷ Столяров И. Указ. соч. С. 82–83.

⁵⁸ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 1–3. Пг., 1914–1916. С. 871.

⁵⁹ Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований / под ред. Т. А. Листовой. М., 2001. С. 83.

стовском у. Ярославской губ. крестьяне в 1899 г. «не надевают во время поста нарядные одежды»⁶⁰. Замужние крестьянки Западной Сибири, когда со второй недели Великого поста устраивались вечерние и дневные посиделки, или беседки, приходили на них в будничной одежде⁶¹.

В домашней обстановке тоже происходили изменения. Так, в московском доме И. С. Шмелева все становилось «по-бедному»: на мебель надевали серые чехлы, лампы завязывали в коконы, закрывали простыней картины, убирали ковры, надевали простую одежду. Менялась даже посуда: «В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, — великопостные»⁶².

2. Исповедь. Роль священника

Посты ограничивали и меняли не только потребление пищи, они обязывали чаще посещать церковь, воздерживаться от каких-либо увеселений, заниматься благотворительностью, раздавать милостыню. В пост, как никогда более, проявлялись христианские добродетели. Первостепенной задачей для верующих в эти дни становилось изменение отношения к окружающим, прощение им грехов, прекращение ссор и т.д., согласно заповеди Божией — «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Во время поста старались воздерживаться от всего негативного, и прежде всего не ссориться с ближними, а за совершенный грех желательно было принести покаяние. По мнению крестьян Нижневицкого у. Воронежской губ., в Успенский пост, как и в Великий, нельзя было ссориться⁶³. О тех, кто хотя и воздерживался от скоромной пищи, а людей, тем не менее, не переставал обижать, т.е. справлял в пост видимое воздержание, крестьяне отзывались плохо и считали их поведение безнравственным. На этот счет среди крестьян Рязанской губ. даже бытовала поговорка: «Лучше рыбу есть постом, чем обидеть рыбака»⁶⁴.

В драме А. Н. Островского «Гроза» купец Савел Прокофьевич Дикой открывается купеческой вдове Кабановой: «Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то о Великом я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки:

изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил... Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощения просил, в ноги кланялся, право так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи, ему и кланялся; при всех ему кланялся»⁶⁵.

Подготовка к постам была направлена на то, чтобы правильно подготовиться к исповеди и причастию Святых Тайн и ограничить все, что могло бы помешать верующему углубиться в свои чувства и переживания. К. М. Веригин, проводивший свое детство в дворянской усадьбе в Орловской губ., вспоминал: «После широкой масленицы с ее блинами и разгулом, после прощания с жирной пищей, после дней, связанных с языческими празднествами в честь солнца, разрешенными церковью как последняя слабость перед трудными неделями, — начинался Великий пост. Они будили совесть, тревожили сердце, звали к покаянной молитве... семь недель люди старались есть меньше, следить за мыслями, выстаивали длинные службы, били бесчисленные поклоны, от которых ломило тело. И душа становилась прозрачнее, вспоминались забытые ошибки, вся прожитая жизнь взвешивалась на беспристрастных весах»⁶⁶.

Во время постов, особенно в период Великого поста, полагалось чаще посещать храм, где начинали читать канон святого Андрея Критского: «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний...». Особенно важной становилась роль священника, который часто обращался к своей пастве в проповедях с напоминанием о грядущем посте и его значении. Речь духовного пастыря помогала верующим сосредоточиться на своих помыслах, задуматься о своих грехах, настроиться на покаяние. Духовенство могло опираться в подготовке проповедей на святоотеческие творения или работы современных богословов. В первой половине XIX в. своими пастырскими проповедями прославился знаменитый богослов святитель Иннокентий (Борисович)⁶⁷. О соблюдении Великого поста по правилам древних христиан писал священник Алексей Парвов⁶⁸. В своей священнической практике святой праведный Иоанн Кронштадтский обращался к опыту христиан первых веков, призывая к более частому покаянию и причащению:

⁶⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1805. Л. 6.

⁶¹ Шелегина О. Н. Указ. соч. С. 106.

⁶² Шмелев И. С. Богомолье. С. 17.

⁶³ Малыхин П. Указ. соч. С. 212–213.

⁶⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 11.

⁶⁵ Островский А. Н. Указ. соч. С. 40.

⁶⁶ Веригин К. Указ. соч. С. 106.

⁶⁷ Иннокентий (Борисович), свт. Указ. соч.

⁶⁸ Парвов Алексей, свящ. Указ. соч. С. 307–322.

«А посмотрите, какой высокий полет был у всех постников и подвижников! Они, как орлы, парили в небесах...». Его личный опыт постничества нашел отражение в дневнике «Моя жизнь во Христе»⁶⁹.

Во многих ответах на вопросы корреспондентов Тенишевского бюро сквозило благожелательное отношение крестьян к церкви и к приходскому священнику. В свою очередь, с большой любовью отзывались о своих прихожанах и многие пастыри. Например, один из священников Архангельской епархии Павел Казанский отмечал: «Многие прихожане хорошо понимают свое отношение к святой церкви, аккуратно посещают службы церковные»⁷⁰.

Н. А. Миненко убедительно показала, что религиозность была частью системы нравственных ценностей сельского труженика: «Церковь участвовала в организации едва ли не всех сторон жизни крестьян, и это участие оказывалось необходимым и естественным». «Этим, в первую очередь, — делает вывод Н. А. Миненко, — определялось отношение сибирских крестьян к приходскому духовенству и церкви. Церковь играла важную роль в повседневной жизни деревни: в формировании круга интересов крестьян, их мировоззрения, материальной культуры, праздничной обрядности и пр. Объективный анализ позволяет увидеть в том влиянии, которое оказывала официальная церковь на крестьянство Зауралья, многие позитивные моменты»⁷¹.

Принятию Святых Тайн предшествовала исповедь у священника накануне или непосредственно перед службой, на которой причастнику необходимо исповедовать свои грехи. Многим взрослым свойственно то душевное волнение, с которым приходится открывать свои греховные помыслы, каяться в поступках и просить прощения. С еще большим трепетом исповедовались дети, для которых исповедь становилась обязательной с семи лет.

Очень трогателен образ маленького мальчика девяти лет в рассказе А. П. Чехова «На Страстной неделе» (1887), который отправляется вечером в среду на исповедь в приходской храм. Он боится и очень переживает за свои многочисленные грехи, но после принятия причастия мальчик радуется, что «грехов уже нет»: «Как теперь легко. Как радостно на душе!». Та же радость не

оставляет его дома: «Я, чтобы не видеть, как умирают, поскорее ложусь в постель и, закрывши глаза, мечтаю, как хорошо было бы претерпеть мучения от какого-нибудь Ирода или Диоскора, жить в пустыне и, подобно старцу Серафиму, кормить медведей, жить в келии и питаться одной просфорой, раздать имущество бедным, идти в Киев»⁷². Несомненно, что в рассказе отразились личные детские впечатления писателя, когда он с братьями посещал храм и пел в церковном хоре, организованном его отцом в Таганроге.

Писатель Б. Шергин писал, что как-то, будучи больным, он остался дома: «Взял томик Чехова и нашел рассказ удивительного проникновения, разительной действительности, удивительной точности». Потрясенный рассказом, он пишет: «Сколько есть «пасхальных» рассказов с настроением: «вербочки», «12 Евангелий», «заутреня пасхальная», «куличи», «звон»... Но Чехов, без этих, пусть заветных и обаятельных аксессуаров Страстной и Светлой недели глубоко-правдиво, как бы оголенно и даже безотрадно показал русскую раннюю весну, мартовскую или апрельскую холодную ночь с замерзшими лужами... И радость топит душу человека в такие именно русские предвесенние рассветы...»⁷³.

То же волнение в детстве описано В. А. Никифоровым-Волгиным. Стоя на исповеди, он вспоминает перед священником все свои грехи и его бросает то в жар, то в холод, но не забывает сказать, что он называл дворника «подметалой мучеником»: «Когда и этот грех был прощен, я шел по церкви, с сердцем ясным и легким, и чему-то улыбался. Дома лежу в постели, покрытый бараньей шубой, и сквозь прозрачный тонкий сон слышу, как отец тачает сапог и тихо, с переливами, по-старинному, напевает: “Волною морскою, скрывшаго древле”. А за окном шумит радостный весенний дождь...»⁷⁴.

Детские переживания, связанные с исповедью во время Великого поста, сохранились в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова), выходца из крестьян Кирсановского у. Тамбовской губ.: «Мы, школьники, после семи лет должны уже тоже исповедоваться. Маленькие грешники! Батюшка исповедует нас целой группой, человек по пятидесяти. Какие уж там грешки?! Но каждого прощает особо. И мы радостно бежим домой. Есть

⁶⁹ Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев / сост., подг. текста и коммент. А. Н. Стрижева. М., 1997. С. 6, 85.

⁷⁰ Мелехова Г. Н. Религиозность православного населения Каргополья в XIX – начале XX в. // Православие и русская народная культура / Библиотека российского этнографа. М., 1995. Кн. 5. С. 232.

⁷¹ Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. С. 222.

⁷² Чехов А. П. Собр. соч. В 18 т. М., 1985. Т. 6. С. 144, 651.

⁷³ Шергин Б. Изящные мастера. Поморские былины и сказания. М., 1990. С. 370.

⁷⁴ Никифоров-Волгин В. А. Указ. соч. С. 16.

не полагается после исповеди. Мать также радуется с нами, тихо улыбаясь: “Ну, вы уже скорее ложитесь спать, чтобы не согрешить перед Причастием”. И мы ложимся и спим счастливо как безгрешные ангелы. На другой день все причащаются: и господа, и крестьяне — из одной Чаши. И все становятся такими добрыми, милыми, тихими, ласковыми, спокойно-радостными! Все поздравляют друг друга: “Со Святыми Тайнами!”⁷⁵.

Жительница с. Зятково Талдомского района Московской обл. Г. П. Владимирова, вспоминая детские годы, которые пришлось на начало XX в., пишет: «Перед Пасхой, во время Великого поста, мы все ходили в церковь исповедоваться и причащаться. Это было очень торжественное действие. Перед тем как идти на исповедь, нам младшим предлагалось попросить прощения у старших за совершенные друг перед другом грехи. Так как я была самой младшей в семье, то мне приходилось просить прощения у всех»⁷⁶.

Уроженка с. Дединово Рязанской обл. М. П. Немова вспоминала: «Готовились к причастию всю какую-нибудь неделю. Кто говел, ходили каждый день в церковь утром к службе и к вечерне. В пятницу после вечерни исповедовались у священника и уже после исповеди ничего не ели; утром в субботу шли к обедне и причащались, дома его все поздравляли с принятием Святых Таинств. Последняя неделя самая строгая. В четверг — всенощная, читались 12 Евангелий, служба долгая, стояли все со свечами, прикрыв их рукой или колпачком из бумаги. В темноте движутся по улице огоньки»⁷⁷.

За Вербным Воскресением наступала Страстная седмица, посвященная памяти Страданий Господних. Пост накануне Пасхи становился еще строже. В. А. Никитин-Волгин хорошо помнил, как на его родине в Тверской губ. «на Страстной неделе тише ходили, тише разговаривали и почти ничего не ели... Вечером ходили в монастырскую церковь, где службы были уставнее и строже. Из этой церкви мать принесла на днях слова, слышанные от монашки: “Для молитвы пост есть то же, что и для птицы крылья!”»⁷⁸.

Особенно благоговейно верующие относились к Великому Четвергу, ходили в храм на «стояния» (так называется чтение Двенадцати Евангелий). И. Столяров писал, что его мать постилась с 12 час. Великого Четверга до конца пасхальной

обедни, не прекращая все домашние работы: «Это трехдневное воздержание от еды перед Пасхой мать соблюдала в течение всей жизни»⁷⁹. Один из рассказов Б. К. Зайцева не случайно называется «Двенадцать Евангелий» (1939). В нем он описывает Чистый Четверг, когда по традиции русские эмигранты собирались в кафедральном храме во имя святого Александра Невского на ул. Дарю в Париже: «Уже который год стоишь вот так, с зажженной свечой, в небольшой, типа крипты, церкви с низкими сводами, в знакомой из года в год толпе, от высшей знати до старух нянек, в голубоватом каждении, в золоте слегка веющих нежных, капающих воском свечей»⁸⁰.

Нравственный аспект в преддверии Пасхи особенно пронзительно звучит в рассказе И. С. Шмелева «Свет вечный. Рассказ землемера» (1937). Его сюжет построен на встрече губернского инженера, выехавшего в 1910 г. для обычной сверки земельных планов в уезд, где он остановился на постоялом дворе крестьянина Упорова, или по-местному Упора. Забыв о том, что наступила Страстная неделя, землемер принялся выпивать и закусывать колбасой. За этим занятием его застал Упор: «Что ж ты это, барин, колбасу ешь, да еще под образами... так негоже». Вот неожиданность, на постоялом! Почему негоже? — «Нонче те и в трактире не подадут на людях, разве уж самые корыстолюбцы...». И строго так, с укором. Вспомнил тут я, что пост, Страстная. В шутку обернул: «в пути, мол, разрешается». — «Нонче и в пути не разрешается, беспутье... какой день нонче? страшной! Великий Пятос, Христа распяли! иль ты не православный, Христа не знаешь?!» Пони-ма-ете...! Стало мне перед ним неловко. Говорю: «не то грех, что в уста, а что из уст». А он, с нажимом: «что в уста, то из уст». Мудрец. «С того и все у нас, с поблажки, правил не держим. С того и смута у нас была, — пути не будет. У нас доктор земский, дурак, говорит... слышали! — никакого Бога нету!».

Землемер уехал по своим делам, но весной 1922 г., когда началось изъятие церковных ценностей, он вновь встретился с Упором, который собрал народ и не пускал солдат в храм: «Как можно позволять такое! За Божье дело, за правду Божию душу свою надо положить! От Бога отступить... чего ж тогда останется?!»⁸¹. Упора расстреляли вместе с сыном, но он остался верным православной вере

⁷⁵ Вениамин (Федченков), митрополит. Указ. соч. С. 105.

⁷⁶ Владимирова Г. П. Указ. соч. С. 37–43.

⁷⁷ Немова М. П. Указ. соч. С. 194.

⁷⁸ Никитин-Волгин В. А. Указ. соч. С. 19.

⁷⁹ Столяров И. Указ. соч. С. 85–86.

⁸⁰ Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 387.

⁸¹ Шмелев И. С. Свет вечный. Рассказ землемера. С. 216–219.

до конца. Так на деле простой человек из народа («ревнитель к церкви») доказал, насколько важно с нравственной точки соблюдение всех религиозных установок не на словах, а на деле.

Подобно чеховскому землемеру, в романе А. И. Эртеля «Гарденины» купец Рукодеев пил водку на Страстной неделе – в насмешку над сыном управляющего именем Николаем Рахманным, который соблюдал посты и говел каждый год⁸².

На Страстной седмице неожиданно приходит покаяние и к Иудушке – герою романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Именно «установившееся еще с детства отношение к святости этих дней подействовало и на него». В Великий Четверг, сидя после службы вместе с племянницей Аннинькой, он впервые осознает греховность своих поступков и решает идти на могилку к покойной маменьке – «Проститься сходить!». И уже не в силах оставаться дома со своими мыслями, Порфирий Владимирович, в последний раз взглядываясь в образ Искушителя в терновом венце, отправляется пешком, в халате, несмотря на поднявшуюся метелицу, на погост, где его находят на следующий день заоченевшего. В тот же день в горячке умирает и Аннинька. Все это происходит в Страстную Пятницу, когда был распят Спаситель, т.е. накануне Светлого Христова Воскресения⁸³.

События Страстной седмицы стали основой для сюжетной канвы рассказа А. П. Чехова «Студент» (1894). Интересно, что именно его писатель особо выделял среди прочих своих произведений: «Какой я “пессимист”? – писал он И. А. Бунину. – Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ “Студент”»⁸⁴. Действие рассказа происходит в Страстную Пятницу. Студент Духовной академии возвращается вечером домой. Его необычная фамилия – Великопольский – вызывает ассоциацию с Великим постом, который только что закончился, а наступившая Страстная седмица завершает период подготовки к Светлому Христову Воскресению еще более строгим постом. Мысль о том, что дома в этот день по традиции ничего не варили, а также вечерний холод настраивают молодого человека на грустные мысли, и он направляется к костру, разожженному вдовой Василисой и ее дочерью. Греясь у огня, он невольно, по ассоциа-

ции вечера с евангельскими событиями Страстной недели, спрашивает Василису: «Небось, была на двенадцати Евангелиях?». Ее ответ: «Была» прямо связывается с воспоминанием о Тайной Вечери. Когда же студент подробно рассказывает своим слушательницам о предательстве Иуды и припоминает то место из Евангелия, когда апостол Петр трижды отрекается от Спасителя, Василиса плачет. И эти ее слезы вызывают у студента мысль: то, «что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение.... ко всем людям». Именно этот рассказ послужил И. А. Есаулову для определения категории соборности в русской литературе: «Слезам Василисы и Петр приобщен к соборному единению людей». По его мнению, не случаен и костер в поле, и работники, просто упомянутые в рассказе: «Здесь, как в едином узле, соединяются как раз пространственная организация текста и христианская традиция»⁸⁵.

С особым волнением верующие ожидали наступления Пасхи – праздника из праздников, торжества из торжеств. К. М. Веригин на всю жизнь запомнил это радостное волнение: «Вся страна готовилась шесть недель к великим и строгим дням Страстной седмицы. На эти дни дети выпускались из школ, работа теряла свой смысл, все ждали радости Воскресения»⁸⁶. С таким же нетерпением ожидали окончания поста и в московской семье Щаповых⁸⁷.

Пасха вызывала большую радость, но иногда воспринималась в разной цветовой гамме. У И. С. Шмелева она была красная, а у В. А. Никифорова-Волгина ассоциировалась с белым цветом, поскольку духовенство меняло черные «страстные» ризы на белые, черные покрывала на жертвенниках и аналоях в храме – на серебряные парчовые. От всего этого у мальчика захватывало дух: «В церквях все белое! Сняли черное и кругом одно белое... и вообще Пасха!»⁸⁸

Разговинны не всегда сопровождалась обильной едой. Корреспондент Тенишевского бюро Е. Зорина писала в 1898 г., что в первый день Пасхи, в день, когда приносили «образа» (иконы) в деревню, и на Рождество Христово песни и пляски воспрещались, а напиться пьяным считалось грехом⁸⁹.

Пасхальная радость могла быть омрачена, если с приходом праздника забывали, на что

⁸² Эртель А. И. Указ. соч. С. 107.

⁸³ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. С. 282–286.

⁸⁴ Чехов А. П. Собр. соч. М., 1986. Т. 8. С. 504–507.

⁸⁵ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 147–149.

⁸⁶ Веригин К. М. Указ. соч. С. 107.

⁸⁷ Щапов Н. М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М., 1998. С. 73–75.

⁸⁸ Никифоров-Волгин В. А. Указ. соч. С. 211.

⁸⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 495. Л. 3.

было направлено соблюдение длительного Великого поста. Вопрос о нравственности поднимается в рассказе А. П. Чехова «Казак» (1887), в котором повествуется о возвращении молодого бердянского мещанина вместе с женой домой в первый день Пасхи. Но его светлое и счастливое состояние исчезает после того, как жена отказывает в просьбе больного казака дать ему для разговения кусочек освященного («свяченого») кулича. Мысль о том, что «Бог нас испытать хотел и ангела или святого какого в виде казака нам навстречу послал», не выходит у него из головы. В конце концов, весь привычный уклад жизни мещанина нарушается из-за осознания совершенного им греха, и жизнь становится ему постылой⁹⁰.

Русскому человеку всегда было свойственно ощущать любое несоответствие или нарушение привычных традиций, особенно если это касалось встречи Пасхи. Подобные переживания ощутил В. В. Розанов, который случайно очутился в Риме накануне католической Пасхи и отправился смотреть Колизей. Первое, что сразу его здесь смутило, был оркестр и музыка из опер: «Да что это такое? – все недоумевал я. – Завтра Светлое Христово Воскресение, сейчас Страстная Суббота, ночь, суббота на воскресенье. Почему тут опера?» За «оперой» последовал фейерверк и зажигание бенгальских огней. Писатель был потрясен: «Всего полчаса оставалось до Светлой утрени! Заиграли последний марш, уж окончательно “персидский”. Оркестр, толпа, мальчишки-разносчики – все двинулись к выходу; электрические лампочки над оркестром скорее потушили. Я насилу нашел извозчика». Именно вдали от России писатель осознает себя русским: «Не то! Не то! Это совершенно не то, что смиренная вера Москвы, Калуги, Звенигорода, моей родной Костромы». Он сравнивает католические традиции празднования Пасхи с тем, что ему приходилось видеть из года в год на родине, и понимает, почему православный не сможет стать католиком: «Но как из души народной, из сердца народного, из привычек народных, из рыдающей души православного: “Боже, буди милостив ко мне, грешному”, – вырвать Великий пост, и наши “ефимоны” и “Господи Владыко живота моего” и “Воздеяние

руку моею, жертва вечерняя”, и “стояние” в Великий Четверг за 12 Евангелиями, и возвращение домой после этого стояния с зажженными свечами? Нет, “еще не войти в чрево матери и не родиться снова” – не стать православному католиком»⁹¹.

Вечное стремление русских к празднованию Пасхи отразилось в словах И. А. Ильина: «Это воскресение Христа Спасителя – живой символ, живое обетование всем народам и нам, русским, в особенности: ибо наша история прошла под знаком муки и жертвы, смерти и воскресения. Другие народы не знают о нас то, что мы знаем о себе: наша вера и наша история научили нас незримо возрождаться в зримом умирании – да славится в нас Воскресение Христово! Это воскресение совершится и после революции»⁹². Так оно и случилось.

3. Милостыня. Благотворительность

Высокий идеал нравственного совершенства виделся не только в умерщвлении плоти путем воздержания от скоромной пищи, но и в проявлении любви к ближнему, в милосердии и сострадании к тем, кто в них нуждался. Именно время поста служило чаще всего напоминанием о необходимости обратиться к людям нуждающимся и страждущим – нищим, заключенным, странникам, больным и увечным. На деле это осуществлялось по-разному – в виде подаяния, открытой или тайной (тихой) милостыни, безвозмездной помощи, что по сути являлось «ступенью к индивидуальному нравственному подвижничеству»⁹³.

В народной среде было распространено посещение тюрем во время поста или после его окончания. Корреспондент Тенишевского бюро писал: «Арестанта народ всегда накормит с радушием. На преступника смотрят как на несчастного. Причина тут в том, что виновный уже получает возмездие за свои поступки. Искупив их через наказание, они являются как бы страдальцами, кандалы особенно действуют на чувства»⁹⁴.

Помощь нуждающимся людям оказывали все, кто имел на это средства, и в первую очередь имущие слои населения. Иногда это носило форму благотворительности, которая в XIX – начале XX в. получила дальнейшее развитие. В Москве (1838) и Петербурге (1837) были созданы комитеты для оказания помощи нищим. В их состав

⁹⁰ Чехов А. П. Собр. соч. В 18 т. М., 1985. Т. 6. С. 164–168.

⁹¹ Розанов В. В. Указ. соч. С. 26–27.

⁹² Ильин И. А. Статьи, лекции, выступления, рецензии. М., 2001. С. 148–149.

⁹³ Тульцева Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. Этнографические исследования и материалы. М., 2002. С. 90.

⁹⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2031. Л. 7, 12.

входили авторитетные лица из дворянства, купечества и духовенства⁹⁵.

Известно, что московские купцы любили покупать, но они, как писал И. А. Белоусов, «умели и попоститься вовремя и помолиться, а капиталы позволяли им делать “добрые дела”». Они старались посещать тюрьмы и раздавали подаяние заключенным: среди них «сохранился обычай к большим праздникам посылать в тюрьмы и места заключения подаяния — чай, сахар, калачи; эти подаяния привозились целыми возами». Одним из мест заключения в Москве была «яма» около Иверских ворот, куда сажали несостоятельных должников и купцов-неплательщиков. Туда после окончания Великого поста на Пасху купцы посылали калачи, а также «куличи, окорока ветчины, памятуя, что эти “несчастные” были когда-то хлебосолами и широко угощали других»⁹⁶.

О традиции безвозмездной помощи бедным на Пасху писал и И. С. Шмелев в романе «Богомолье». Готовя сладкую творожную пасху для себя, не забывали раздать «и еще — бедным родственникам. Для народа, человек на двести, делает Воронин под присмотром Василь-Василича, и плотники помогают делать. Печет Воронин и куличи народу». Памятуя о семейной традиции — «как отцом положено» — в доме писателя на второй день Рождества всегда устраивали обед «для разных», на который приходили кормилка Настя, солдат Махоров из дальней богадельни, на деревянной ноге, Пашенька-преблаженная и Полугариха, скорняк Трифонич, «барин» Энтальцев, певчий-обжора Ломшаков и другие. Завет сохранять традицию отец оставил сыну: «Помру, воля Божия... помни: для Праздника кормить»⁹⁷.

4. Досуг и развлечения

С наступлением поста изменялись виды досуга и развлечений, принятые в обычные дни. Это соблюдалось с наступлением многодневных постов и, прежде всего, Великого поста. Ограничения казались в равной степени и города, и деревни.

В городской среде это относилось к театрам, маскарадам, балам и тому подобным зрелищам, которые особенно были распространены среди высшего общества. Запреты на участие в этих общественных развлечениях регламентировались официальными постановлениями. В некоторых

спорных вопросах представители власти оставались на стороне церкви, выступавшей против работы театров в Великий пост. Так, в начале 1883 г. министр Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков обратился к Александру III с просьбой разрешить театральные представления во время Великого поста. Узнав об этом, член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, оберегая авторитет царя, 21 февраля направил ему просьбу отменить распоряжение о разрешении оперных спектаклей по Императорским театрам во время Великого поста, даже несмотря на возможные убытки для театральной кассы. Он писал: «Необходимо поберечь народное чувство в религиозном его элементе именно теперь, когда оно так настроено перед коронацией... как могут быть спектакли в те дни, когда ежедневно в церкви читается: “Господи, Владыко живота моего...”» Не поймут также простые люди, как могло вдруг измениться царское слово, встреченное всем народом с такой радостью в дни траура и плача». Одновременно К. П. Победоносцев заручился поддержкой министра внутренних дел графа Д. Толстого. К. П. Победоносцев считал недопустимым разрешить русские оперные спектакли в пост, когда прошло совсем немного времени со дня убийства Александра II в 1881 г., а в Москве готовилась коронация царя. Ответ Александра III был краток: «Насчет русской оперы в Великом посту дело устроится само собой, потому что это было говорено на словах и никаких положительных приказаний дано не было»⁹⁸.

Вопрос о запрете балов и маскарадов поднимался время от времени в печати и в книжных изданиях. Понятно, что церковным иерархам отводилась решающая роль в наставлениях своей пастве в дни поста сосредоточиться больше на духовной жизни и ограничить разного рода мирские развлечения. Эти наставления выражались в многочисленных проповедях, которые нередко публиковались и в виде небольших книжечек распространялись среди верующих. В 1870-е годы о несовместимости мирских развлечений с исполнением великопостного христианского подвига самоиспытания, борьбы со страстями, очищения сердца и усиленной молитвы писал известный протоиерей Василий Нечаев. Особенно недопустимыми, как он писал, считались театральные увеселения во время Великого поста⁹⁹.

⁹⁵ Ульянова Г. Н. Благотворительность и общественное призвание в России XIX — начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Тр. Института российской истории РАН. 1997–1998. М., 2000. С. 176–179.

⁹⁶ Белоусов И. А. Указ. соч. С. 345, 371–372.

⁹⁷ Шмелев И. С. Богомолье. С. 56–57, 110–111.

⁹⁸ Тальберг Н. Д. Победоносцев: Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 30–31.

⁹⁹ Нечаев Василий, прот. Указ. соч. С. 398–412.

Надо сказать, что пастырское слово, сказанное знаменитыми в свое время церковными иерархами, остается актуальным и поныне. В качестве примера можно привести слово архиепископа Херсонского и Одесского Никанора, обращенное к представителям высшего общества, присутствовавшим на торжественном обеде по случаю восшествия на престол императора Николая II в 1889 г., в котором говорилось о недопустимости театральных зрелищ в Великий пост. В нем он напоминал, что «христианство всегда относилось к театральным зрелищам с предосуждением, а на представителей театрального искусства, лицедействующих перед зрителями Христова церковь смотрела, как на имеющих на себе даже некоторую печать отвержения. Эта мысль церкви проходит чрез все века, начиная с апостольского, и чрез все святоотеческие уставы и правила, начиная с правил апостольских (Апост. пр. 18; 6 всел. пр. 24; Карф. пр. 16)». Одновременно владыка скорбел, что в России, как и по всей Европе, падает вместе с христианской верой и мораль, и искусство.

Владыка Никанор напомнил, что еще в царствование Николая I посещение театров в дни Святой Четыредесятницы было немислимо, а между тем и театральные лицедеи с голоду не умирали, и Россия стояла не только твердо, но и спокойно. Он пророчески возглашал: «А чему бы научился бы наш народ в театрах, если бы всюду развелись и народные театры; что он увидел бы на них через 100, даже чрез 50 лет, это вопрос»¹⁰⁰.

Подтверждением того, что в Москве сохранялся запрет на развлечения, служит рассказ Н. Д. Телешова о том, что в столице в течение первой недели Великого поста «воспрещались всякие развлечения, музыка, и из общественных мест, где можно было бы встретиться, функционировали, кажется, только бани. В конце этой первой строгой недели, в так называемое “Сборное воскресенье”, в Кремле, в старинном историческом Успенском соборе, ярко и парадно освещенном всеми паникадилами при архиерейском служении, совершался за обедней ежегодно торжественный “чин Православия”». Н. Д. Телешов писал: «Наряду с этим торжеством существовал административный строжайший запрет не только в Москве, но и по всей России: запрет театральных представлений

в течение всего длительного поста». Вместе с тем на время поста в Москву устремлялись многочисленные иностранные итальянские певцы и актеры. После отстранения К. Д. Победоносцева от власти «великопостные спектакли для русских актеров были повсеместно разрешены, за исключением первой, четвертой и Страстной недель поста»¹⁰¹. Н. В. Давыдову было памятно, что букеты и цветочные корзины артистам балета подносились «в особо торжественных случаях, как то: в бенефисы или в Прощальное воскресенье на масленице, то есть в последний спектакль зимнего сезона (Великим постом театральных представлений не бывало в те годы)»¹⁰².

Писатель В. А. Гиляровский вспоминал, что во второй половине XIX в. во время Великого поста все еще сохранялся запрет на спектакли и практически все театры закрывались. Исключение делалось только для Московского артистического кружка, который был единственным местом, где разрешалось играть Великим постом, он обошел закон, запрещавший спектакли во время Великого поста, в кануны праздников и по субботам. Интересно, что для участия в этих спектаклях в Москву приезжали провинциальные актеры, которые съезжались для заключения условий с антрепренерами на предстоящий сезон. Многие из них останавливались в большой гостинице «Челыши», на месте которой позднее была построена гостиница «Метрополь»¹⁰³.

В мастерских Москвы Великим постом чувствовался деловой тон: как ни любили мастеровые петь песни, светские песни Великим постом прекращались, дозволялось петь только духовные песни – стихи про «Бедного и богатого Лазарей», про «Алексея, Божьего человека» и пр.; пение других песен считалось грехом¹⁰⁴. В. А. Никифоров-Волгин вспоминал, что и его отец, сапожник, сидя за верстаком, пел великопостные песни¹⁰⁵.

Время досуга и развлечений в сельской среде определялось народным календарем, в котором будни чередовались с праздниками. Нравственные установления, существовавшие в крестьянском сообществе относительно поведения во время постов, предусматривали воздержание молодежи от любого рода озорных игр и увеселений. Этим руководствовались как представители старшего и

¹⁰⁰ О театральных зрелищах в Великий пост. Поучение преосвященнейшего Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С. 11–16.

¹⁰¹ Телешов Н. Д. Указ. соч. С. 447–451.

¹⁰² Давыдов Н. В. Указ. соч. С. 75.

¹⁰³ Гиляровский В. А. Указ. соч. С. 188–190.

¹⁰⁴ Белоусов И. А. Указ. соч. С. 345.

¹⁰⁵ Никифоров-Волгин В. А. Указ. соч. С. 188.

среднего поколений, так и молодежь во время хороводов, вечеров и посиделок.

В XIX — начале XX в. хороводы были самыми популярными среди традиционных видов развлечений. На хороводы, которые устраивались в течение всего года, обычно собиралась вся деревенская молодежь самого разного возраста. Но с наступлением поста они, как и вечерки, ограничивались. Изменялся характер посиделок и в Пошехонском у. Ярославской губ., где крестьянская молодежь устраивала в обычные дни различные увеселения, например, гулянья, «посиденки», «беседы», «сwoзы».

Корреспондент ОЛЕАЭ А. В. Балов в «Очерках Пошехонья» писал, что «с наступлением длинных осенних вечеров начинается в наших деревнях сезон “посиделок” и “бесед”. Обыкновенно молодежь начинает “засиживать, то есть собираться на “беседы” и “посиделки”, или “посиденки” с первых чисел октября, хотя по-настоящему, или как говорится “вплотную” посиделки и беседы начинались только с конца октября. В конце октября обработка льна у всех кончается — пора приниматься за прядение льна, что и производится крестьянскими девушками на посиделках. Посиделки и беседы не устраивались под праздник.

Посиделки во многом резко отличались от бесед. Первое происходит не только вечером, но и днем, вторые — исключительно вечером. На первые девушки собираются главным образом, чтобы пряхть, и в довольно простых платьях, на вторые, на беседы — девушки идут безо всякой работы, чтобы повеселиться в самых лучших нарядах. Посиделки происходят по будням, беседы — преимущественно в праздник. Бывают еще “сборные беседы”, они отличаются от обыкновенных тем, что на них являются девушки и парни из соседних деревень. Сборные беседы, или “сwoзы” устраиваются поочередно сначала в одной деревне, потом в другой. На беседах бывает почти постоянно угощение, собираемое на общий счет девушек (орехи, пряники). Собираются беседы с 6-7 часов вечером и продолжаются часов до двух-трех по полуночи. Начиная с октября беседы продолжаются до Великого поста, с началом поста они прекращаются опять до осени. Главное развлечение молодежи на беседах танцы и песни, танцы под песни с аккомпанементом гармоники. В Великом посту хотя де-

вушки и собирались иногда днем на супрядки, но ни песен, ни плясок на этих супрядках не бывает, и парни на них не ходят»¹⁰⁶.

По сведениям, поступившим в Тенишевское бюро в 1890-е годы, в Суздальском у. Владимирской губ. во время Великого поста тоже не пели песен, не играли даже на гармонии, не водили хороводы. В это время молодежь прекращала играть в карты, а играла только в горелки и в игру иного характера, напоминающую горелки, под названием «двойней-тройней». Интересно, что песен не пели даже на Пасху¹⁰⁷. Это было связано с благоговейным отношением крестьян к религиозным праздникам. Корреспондент Тенишевского бюро Е. Зорина писала в 1898 г.: «Под праздники песни, пляски и шум строго воспрещаются, и вообще эти вечера стараются провести чинно и степенно». После ужина, который под праздники подавали рано, вся семья молилась перед иконами. В тех семьях, где были грамотные, под воскресенье читали вслух акафисты Спасителю и Божией Матери¹⁰⁸.

У жителей Поморья на севере Архангельской губ. в Великий пост молодежь в тех селениях, где отхожие промыслы еще не начались, развлекались, либо разделившись на группы, либо иногда соединяясь для «постных» игр — без поцелуев и песен. В особо «святые» дни, например, в Благовещение, женщины строго следовали общепринятым правилам — не работать и не пряхть¹⁰⁹. В Хреновской вол. Вологодского у. Вологодской губ. «в Великий пост считается грехом играть на гармошке и петь песни. Отцы и матери зорко смотрят за этим, у многих парней в первый день Великого поста отец и мать отбирают гармошки и запирают куда-нибудь. Не дают до Пасхи». Гармонь была популярна не только в молодежной среде, но и у детей, для которых делали небольшие инструменты, но и их также ограничивали в развлечениях. Как пишет Т. А. Листова, в севернорусских деревнях «кроме принудительных мер применялись и шуточные угрозы, воспринимаемые маленькими детьми как вполне реальные»¹¹⁰.

С. Мельников писал: «В г. Усть-Сысольске как и в других городах Вологодской губ., даже и в самой Вологде, с 1 октября, т.е. с Покрова Пресвятой Богородицы, исключая Рождественский пост, до самой масленицы, делаются вечеринки или игрища»¹¹¹. В с. Усть-Цильма Яренского у. Воло-

¹⁰⁶ Балов А. В. Указ. соч. С. 67–68, 71, 73.

¹⁰⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 11.

¹⁰⁸ Там же. Д. 495. Л. 2–3.

¹⁰⁹ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 167.

¹¹⁰ Листова Т. А. Указ. соч. С. 632–633.

¹¹¹ Мельников С. Указ. соч. С. 480–481.

годской губ. во время Великого поста развлечения также прекращались¹¹².

Кстати, запреты соблюдали также белозерские вепсы, проживавшие вместе с русскими в Новгородской губ., у них «к началу Великого поста заканчивались молодежные беседы: праздники в этот период проходили без песен и гуляний и ограничивались посещением церкви, гостьбой»¹¹³.

В Пельшемской вол. Кадниковского у. Вологодской губ. строгий характер предновогодних посиделок был связан с Рождественским постом: не разрешались песни и танцы¹¹⁴. Та же строгость соблюдалась и в Тверской губ. В. А. Никифоров-Волгин пишет, как в чайной крестьяне, посетители чайной, остановили полового, который для угождения посетителей завел органчик: «Поштенный! Нельзя ли повременить? Успенский пост еще не прошедши!»¹¹⁵.

Пожилые люди были авторитетами для молодых, их авторитет ценили и не игнорировали их замечаний. В романе А. И. Эртеля «Гарденины» есть такой эпизод, когда во время Великого поста молодые конюхи стали играть на гармошке, свистеть на пальцах, но при приближении главного конюшего, капитана Аверьяныча, тотчас же умолкли. Одному из конюхов, Федотке, конюший все же заметил: «Ты чего тут на музыке-то на своей пилишь, али разговелся? Чай, люди грехи замаливают»¹¹⁶.

Корреспондент ОЛЕАЭ М. А. Дикарев писал в 1896 г., что на Кубани в слободе Борисовке Валуйского у. молодежь на традиционных встречах – «вечерницах» обычно устраивала конкурс отгадывания загадок, но в течение Рождественского поста это не допускалось: «Нарушается святость поста»¹¹⁷.

Посиделки в Псковской губ. назывались «супрятками», поскольку в это время женщины собирались вместе прясть шерсть. Посиделки назывались также «поседками», потому что девушки собирались шить, вязать и прясть с молодежью. Их устраивали с августа до масленицы каждый день, кроме субботы и предпраздничных дней, когда танцевали или пели песни под гармонику. «Вече-

ринки» устраивали перед «Зимним Николой», на святках – с 12 до 4 часов дня, а вечером – с 7 до 2 часов ночи; они продолжались на второй день после Крещения Господня и на масленице. После Пасхи собирались на «беседу» у домов и с 2 до 12 часов ночи пели песни. В другие же дни – 6 января, 9 мая, 20 июля, 6 августа, 26 ноября, 6 декабря устраивали «гулянья» с песнями, а на Троицу – водили особые хороводы¹¹⁸.

Песенный репертуар с наступлением поста становился строгим. Крестьяне Обоянского у. Курской губ. во время Рождественского поста пели «Филипповские», или «постовые» песни: «На улице туман», «На песочку, на камушку», «У нас на улице на широкой» и др.¹¹⁹ Корреспондент ОЛЕАЭ Н. Мендельсон в с. Дединово Зарайского у. Рязанской губ. встретил одну крестьянку – «начетчицу», читавшую Псалтирь по умершим. Она сказала, что считает грехом в Петров пост песни петь¹²⁰.

В Курской, Воронежской, Рязанской и других южных губерниях России развивалась сеть сезонных хороводов, соотносимых с основными периодами крестьянского календаря. Исследователи выделяют помимо летних, осенних, зимних и др. хороводов так называемые «говеенские» хороводы, в период Великого поста (Великого говения). Сужался до допустимого и песенный репертуар, тем не менее, например, в белгородских «постовых» или «говеенских» песнях рисовались теплые и лиричные образы¹²¹.

В Пельшемской вол. Кадниковского у. Вологодской губ. тоже изменялся характер традиционных форм досуга молодежи. П. Дилакторский писал, что в Рождественский пост «посиделки» (посиделки) устраивали без плясок и песен: «девицы прядут, а парни что-либо рассказывают и зубоскалят. Если бы в избе не было никого из стариков, и то бы они побоялись устраивать пляски: неравно кто-либо ненароком проговорится, а узнают – плохо будет, от стариков достанется “на орехи”». После окончания поста начинались святки, но посиделки не устраивали и в первые три дня праздника Рождества Христова – не позволяли старики. По их мнению, кто веселится в

¹¹² Гагарин Ю. В. Усть-Цильма. Сыктывкар, 1980. С. 31.

¹¹³ Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994. С. 56.

¹¹⁴ Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 418–419.

¹¹⁵ Никифоров-Волгин В. А. Указ. соч. С. 213.

¹¹⁶ Эртель А. И. Указ. соч. С. 54.

¹¹⁷ Дикарев М. А. Указ. соч. С. 16.

¹¹⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1417. Л. 1–3.

¹¹⁹ Там же. Д. 631. Л. 75.

¹²⁰ Мендельсон Н. Указ. соч. С. 385–386.

¹²¹ Щуров В. М. Южнорусские хороводные песни // Народное искусство России: традиция и стиль / под ред. С. Г. Жижиной. М., 1995. С. 130, 135.

первые три дня, тот тешит “нечистого”. На четвертый день парни и девушки собирались в одну избу. Девушки являлись в будничных костюмах и с работой (пряжей, шитьем, вышиванием, плетением кружев), но пляски начинали не сразу. Время проводится в разговорах и шутках. Но когда приходят “славнухи” (невесты, славящиеся богатством, красотой или трудолюбием), начинались игры, пляски и ряжение, но рядились не все – иными строгие родители не позволяли»¹²².

В Вытегорском у. Олонецкой губ., где крестьяне пост соблюдали строго, во время Великого поста считалось грехом не только петь песни и собираться на «посидки», но и даже слушать веселые рассказы, исключения были редки¹²³. По мнению крестьян Нижневицкого у. Воронежской губ., в Успенский пост, как и в Великий, считалось грехом петь песни¹²⁴.

К постам приурочивали некоторые домашние занятия. В Калужском у. Калужской губ., как писал в 1902 г. в «Этнографическом обозрении» В. Н. Добровольский, крестьянки мотали спряденный лен в клубки Филипповками или осенним мясоедом. Сновать на ткацком станке – кроснах начинали уже с масленицы¹²⁵.

Ип. Крашенников в статье «Хороводные и плясовые песни казачьего поселка Сосновка Челябинского уезда Оренбургской губернии», опубликованной в 1904 г., писал, что у казаков хороводы водили три раза в году: три дня начиная с Петрова дня – 29, 30 июня и 1 июля, на Троицу и в Девятую пятницу после Пасхи. Особенно оживленно проходил последний день, когда бывает престольный праздник поселка. Только на святках поют особые песни и пляшут «рождественские» танцы¹²⁶.

Традиционные формы досуга сибирских крестьян в XIX – начале XX в. включали те же формы, что и в других регионах России, и имели общественный характер. Время отдыха определялось сельскохозяйственным календарем, в котором отразилась многовековая народная мудрость: будни сменялись праздниками, а мясоед

– постами. Время наступления того или иного поста определялось устным подсчетом календарных дней и недель «в числах» и «не в числах»¹²⁷. На широкий круг развлечений крестьян Западной Сибири как на часть духовной культуры указывала В. И. Смирнова, которая привела свидетельства краеведов о высокой нравственности и религиозности сибиряков¹²⁸.

С наступлением поста менялось поведение крестьян и тональность развлечений: шумное застолье с обильным угощением, веселые пляски и песни, озорные игры сменялись на более спокойные виды досуга. Особенно строго этого придерживались в Великий пост. Круг развлечений представителей старшего и среднего поколения был более ограничен по сравнению с молодежным. В развлекательных играх молодежи, как правило, замужние и женатые не принимали участия¹²⁹.

Посиделки и вечерки были самым распространенным и излюбленным временем для прядения в будний день.

Для замужних женщин общественными формами досуга в свободное от полевых работ время служили «капустки» – совместная заготовка квашеной капусты, «супрядки» – вид помочей в хозяйственных домашних делах, «копотухи» (копотихи) и «посиденки» (беседки), на которых могли присутствовать и девушки¹³⁰. Женщины иногда собирались отдельно. На Алтае такие женские «собрания» включали «гостьбу» по праздникам в небольшой компании, но это не касалось «посиденок». На посиделки замужние женщины приходили с работой¹³¹.

«Посиденки», или «беседки» с работой (вечерние и дневные) устраивали со второй до последней недели Великого поста. Лица мужского пола на них не допускались. На обыкновенные посиденки сходились крестьянки одной деревни с прялками или шитьем. Устраивались и «нарочитые посиденки» – когда собирались «по особому зову, даже из дальних деревень, в дом, где есть молодая, вышедшая замуж в прошлое мясоедие»¹³².

¹²² Дилакторский П. Указ. соч. С. 133.

¹²³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 890. Л. 12–12 об.

¹²⁴ Малахов П. Указ. соч. С. 212–213.

¹²⁵ Добровольский В. Н. Указ. соч. С. 79.

¹²⁶ Крашенников Ип. Указ. соч. С. 139, 155.

¹²⁷ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 93, 100.

¹²⁸ Смирнова В. И. Указ. соч. С. 30–40.

¹²⁹ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. С. 224.

¹³⁰ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). С. 79–80.

¹³¹ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. С. 22; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 224.

¹³² Миненко Н. А. Досуг и развлечения... С. 21.

¹³³ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 176.

Молодежи Сибири были свойственны подвижные игры и развлечения, но с наступлением поста их круг сужался. Это касалось хороводов, которые в XIX – начале XX в. оставались самыми популярными среди традиционных видов развлечений молодых парней и девушек. Хороводы разделялись на будничные и праздничные, они были смешанного (женского и мужского) состава. Период от Пасхи до Петрова дня был наиболее характерным временем для хороводов на всей территории расселения русских. Хороводы не устраивали в страду, в течение Успенского и Великого постов и на «Ивана Постного» (29 августа)¹³³. На юге Западной Сибири смешанные хороводы на улицах водили с первого дня Пасхальной недели до Троицы – «от вечеров до поздней ночи», но с началом Петрова поста хороводы заканчивались.

В числе форм досуга крестьянской молодежи в Сибири, как и в Европейской России, были «посиделки», или «беседы», которые приходились на осенне-зимний период, когда завершалась в основном уборка урожая. Основным «вечерочным сезоном» был период с середины сентября до середины ноября (Филиппова поста) и с 20-х чисел декабря до конца февраля – начала марта (окончания масленицы). Особо выделялись дни с 21 декабря по 5 января, когда молодые люди обоего пола днем и ночью собирались на игрища и вечерки. Молодежь чаще собиралась по очереди в доме каждого парня и каждой девушки начиная с Филипповского заговенья (с 13 ноября). «На время Великого поста вечерние развлечения молодежи как правило прекращались либо становились более редкими и носили особенно строгий характер. На них пели только “протяжные” песни – всякое другое пение считалось великим грехом»¹³⁴.

Вечерки как форма досуга неженатой и незамужней молодежи устраивались часто, но в некоторых сибирских селениях их бывало до пяти в год. Вечерки начинали посещать с довольно раннего возраста – с 8-10 лет. Эта форма крестьянского досуга зафиксирована не только у приверженцев официального православия, но и у старообрядцев. На вечерки могли приходиться званные и незванные. На вечерках, но только в качестве зрителей, могли присутствовать также люди старшего поколения. В Западной Сибири, как наблюдал И. Белов, на вечерки молодые девушки и парни могли собираться и во время Великого поста, но наверняка на таких

встречах соблюдались установленные нравственные нормы¹³⁵.

В с. Усть-Ницынская Тюменского округа Тобольской губ. в будни на вечерки ходили одни девушки с работой, чаще всего с прялицей или шитьем, они пели «проголосные», т.е. протяжные песни. Иногда и парни приходили «посидеть», но никакие игры не затевались¹³⁶. Показательно, что и во время постов на посиделки девушки приносили шитье или пальцы для вышивки полотенец. Ограничение их общения с парнями на время Филипповского поста до праздника Рождества Христова давали и некоторую выгоду: девушки могли напрясть больше льна.

На Урале, где «каждому рукоделию отводилось свое место и время», посиделки и вечерки в будний день были самым распространенным временем для прядения. Собирались, по крестьянскому обыкновению, девушки «вдовольном числе с изделиями» в особых избах по договоренности с хозяйкой или у одной из подруг, у вдов, шили и вышивали также во время вечеров, но, как правило, по субботам. Особые женские «беседки» устраивали в первые недели Великого поста в домах, где имела молодка, которая старалась приготовить как можно больше вкусных блюд. Кстати, на таких встречах во время постов на трапезах обязательно соблюдали религиозные предписания. В конце застолья появлялось последнее блюдо, которое называлось «выгонщик», после чего полагалось уходить. На женских «беседках» в Великий пост таким блюдом был «курник» – пирог с морковью. В пост уральские «вечорки» также лишались своей притягательной части, связанной с «поцелуйными» песнями, когда девушке полагалось поцеловать своего партнера. Игровой песенный репертуар сменяли медленные и продолжительные проголосные песни: «Наступало время духовных стихов, которые пелись до Страстной седмицы»¹³⁷.

Старообрядцам Красноуфимского у. Пермской губ. запрещалось активно участвовать в молодежных развлечениях, но если они принимали участие, например, в святочных играх, то за этот грех они на Крещение очищались постом и несли епитимию – 1000 поклонов в день и больше¹³⁸.

Ограничения в досуге и развлечениях существенным образом влияли на нравственность молодежи, подчинявшейся традиционной системе запретов. Можно согласиться с выводами

¹³⁴ Там же. С. 222–223.

¹³⁵ Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 11.

¹³⁶ Зобнин Ф. Указ. соч. С. 61.

¹³⁷ Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 94, 115, 147, 269.

¹³⁸ Там же. С. 263, 264, 350.

М. М. Громыко, подчеркивавшей, что «соответственно религиозным представлениям русского крестьянства повсеместно подлежали строгому запрету хороводы и посиделки в период Великого поста, а также существовали частичные ограничения с местными различиями для других постов. В оценке допустимого и запретного в этом отношении существовали возрастные расхождения, особенно заметные в среде старообрядческого крестьянства»¹³⁹.

Ограничения касались и традиционных зимних развлечений сибирских крестьян, например, катаний на лошадях на масленицу. Например, в Тюменском у. катались все, начиная с маленьких детей, а с заходом солнца катанье прекращалось. Любили также кататься с ледяных гор. В Ачинском и Енисейском уездах парни накануне масленицы делали общую для всего селения «катушку» — высокую горку с политым водою ледяным скатом: «Ежедневно под вечер на катушку собирались шумные толпы молодежи»¹⁴⁰. Но все игры как взрослых, так и детей заканчивались накануне Великого поста в Прощеное воскресенье. Пример этому имеется в биографии схиархимандрита Гавриила (Зырянова), родители которого были очень верующими крестьянами Ирбитского у. Пермской губ. Время Великого поста было и для этой семьи особенным: «Первая седмица справляется крестьянами строго, а в семье Гани и подавно. Замолкли песни веселых масленичных дней, даже на ледяной детской горе не видно ни одного мальчика». Скат ледяной горы обычно перегораживали доской, чтобы ребята не могли кататься. Тайком маленький Ганя все-таки отправился на горку, и за свое непослушание был сурово наказан: доска оказалась с гвоздями, и он сильно поранился. И лишь молитва к праведному Симеону Верхотурскому спасла его от гибели. Он тут же дал обет сходить на богомолье святому и впоследствии его выполнил»¹⁴¹. У жителей селений Енисейской губ., расположенных по р. Чуне, «зимны вечерки» с играми и песнями, в которых участвовала исключительно молодежь, также заканчивались на масленице перед началом Великого поста¹⁴². Таким образом, регламентация сроков развлечений и игр сельской молодежи Сибири была тесно связана с народным календарем и с постами. Насколько по-

зволяют судить изученные материалы, у сибиряков не существовало проблемы свободного времени, поскольку досуг как взрослых, так и молодежи имел общественный характер. Это означало, что совместное застолье, игры и развлечения в обычные дни проводились в тесном кругу односельчан с приглашением родственников и друзей в праздники. Нравственные установления, существовавшие в крестьянском сообществе относительно поведения во время постов, предусматривали воздержание от любого рода озорных игр и увеселений. Этим руководствовались как представители старшего и среднего поколения, так и молодежь.

5. Чтение духовной литературы

С наступлением постов, и особенно многодневных, в крестьянской среде было принято заменять литературу светского содержания на книги духовные. Что же касается уровня грамотности крестьян, то необходимо сказать, что среди крестьян заметно выделялись те, кто овладел грамотой. К концу XIX в. в России уже имелось немало школьных, публичных библиотек, бесплатных библиотек-читален. И. Ивин-Кассиров, принявший горячее участие в полемике о пользе книг для народа, в 1893 г. написал статью «О народно-лубочной литературе. К вопросу о том, что читает народ», в которой он приводит наблюдения над народной жизнью в д. Тяга Поречской вол. Можайского у. Московской губ., откуда он был родом¹⁴³. Очень важно, отмечал И. Ивин-Кассиров, что в народе была по-прежнему любима святоотеческая литература: «Духовные книги читались чаще всего пожилыми крестьянами в основном зимой — во время Филипповского и Великого постов. Читаются с целью назидания, для спасения души, и нередко при этом крестьяне высказывают стремление к исправлению своей жизни в будущем; вообще же чтение духовных книг считается делом душеполезным и богоугодным»¹⁴⁴. И. Ивин-Кассиров писал, что для того, чтобы книга «пошла», т.е. полюбилась, «в книжке непременно должна быть проведена какая-либо нравственная идея». Крестьяне, оказывается, не любили, если поучения были только на религиозную тему, они говорили: «Мы эти поучения-то и в “божественных” книжках почитаем, ужо в Великом посту!»¹⁴⁵.

¹³⁹ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 270.

¹⁴⁰ Там же. С. 252; Макаренко А. А. Указ. соч. С. 141.

¹⁴¹ Варнава (Беляев), еп. Указ. соч. С. 46.

¹⁴² Чеканинский И. Указ. соч. С. 83, 86.

¹⁴³ Ивин-Кассиров И. О народно-лубочной литературе. К вопросу о том, что читает народ (Из наблюдений крестьянина над чтением в деревне) // Русское обозрение. 1893. № 9. С. 242–260; № 10. С. 768–785. Ссылки на его работу приводятся по современному изданию: Марьино: Православный историко-краеведческий альманах. 1998. № 4. С. 84–116.

¹⁴⁴ Там же. С. 103–104.

¹⁴⁵ Там же. С. 110–111.

Как пишет М. М. Громыко, посвятившая специальную статью кругу чтения русских крестьян в конце XIX в., «возрастные различия в круге чтения выражались обычно в предпочтении старшими духовной литературы»¹⁴⁶. А. В. Буганов также пришел к выводу, что среди книг, предпочитаемых жителями русской деревни, были книги духовного содержания. Наблюдения И. Ивина-Кассирова он подтвердил и другими источниками, среди которых особенно ценными являются материалы Тенишевского бюро. «Большинство корреспондентов этого бюро, — говорится в его исследовании, — выделяли религиозно-нравственную и историческую тему в качестве основных в круге читательских интересов крестьян. При этом тяга к чтению Священного Писания и других “божественных” книг с возрастом усиливалась»¹⁴⁷.

Чтением духовной литературы в дни поста занимались и «поморы» — жители Беломорского побережья Архангельской губ. Писатель Б. В. Шергин в одном из своих рассказов «Новая земля» писал, как во время вынужденной зимовки поморы в избе на матице нарезали своеобразный календарь: «“кресты, кружки, рубежи — праздники, будни, посты. А когда пришло время поста, с утра мужики шить сядут, приказывают мне: — Пост теперь, книгу читай. Да чтобы страх был!” Слушают, вздыхают... Вечером ребята песню запросят. Староста строго: — В песнях все смехи да хи-хи. Заводи, баюнок, лучше старину. Сказываю Соловья Будимировича: Из-за моря, моря Студеного... В пост на былинку-старину разрешено, а уж как завыговаривает старинка про любовь да как зачнут мужики сгогатывать, так староста только головой вертит да руками машет: — “Ну, разлилась масленица, затопила Великий пост!” Староста не разрешал играть на музыкальных инструментах, но “сыгровку” разрешил. — И Благовещение, и Пасху славить к морю выходили»¹⁴⁸.

В работе Т. А. Листой, посвященной обрядам и обычаям, связанным с рождением и воспитанием детей на Русском Севере, приводятся интересные сведения о том, как с началом Великого поста чтением книг духовного содержания занимались и школьники: «Своевременная исповедь и причастие становились нормой жизни. Уровень религиозного образования, что подразумевало и понима-

ние священного содержания таинств, повысился с открытием школ грамоты и церковно-приходских школ. Трепетное отношение к таинству причастия усиливалось и популярными в ученической среде рассказами о случаях наказания грешников, недопущения их к совершению таинства». Она приводит слова корреспондента Тенишевского бюро, который описал жизнь учеников одной из церковно-приходских школ Вельского у. Вологодской губ. Во время Великого поста, когда нужно приходиться каждый день к утренней службе, ученики, особенно из окрестных деревень, «запасшись хлебом, поселяются, обыкновенно, в школе и в сторожке. По вечерам занимаются чтением житий святых и других книг, данных на это время священником. Накануне причастия, уже в постели, начинаются рассказы про несчастные случаи при причастии и каждый сообщает, что пришлось ему слышать от старших. Рассказчика слушают внимательно и безусловно верят, как “откинуло” кого-либо от Чаши»¹⁴⁹.

В XIX в. крестьяне читали не только печатные, но и рукописные книги, нередко оставляя на них свои пометы и надписи¹⁵⁰. Владыческие записи порой давали представление о том, какие книги читали постом, и кто их читал. Так, на одном экземпляре книги Симона Симоновича и Христофора Жефаровича «Описание Иерусалима», известной по русским лубочным изданиям, написано: в одном случае — «Читал сию книгу Тимофей Петров Деревни Усадница»; в другом — «Читал сию книгу Семен Ильин порьтной в пос[т]ь. Воскресенье в первое»¹⁵¹. Интересен и тот факт, что у разносчиков лубочных книг — офеней крестьяне охотнее покупали «божественные» книги — Евангелие, Псалтирь, Святцы, Часослов, молитвенники, даже несмотря на их сравнительно высокую цену. Крестьянин А. Г. Моисеев (1899–1972), родом из Хатунской вол. Серпуховского у. Московской губ., писал, что в детстве ему приходилось читать рассказы на духовно-нравственные темы, которые он брал в школьной библиотеке¹⁵².

С появлением «волшебного фонаря» — проектора в церковно-приходских школах стали устраивать совместное чтение книг, а также просмотр картин духовного содержания. Так, в с. Бармино Венецкой вол. Макарьевского у. Нижегородской

¹⁴⁶ Громыко М. М. Круг чтения русских крестьян в конце XIX века. С. 194.

¹⁴⁷ Буганов А. В. Духовная книжность и письменность русских крестьян XIX века. С. 326–327.

¹⁴⁸ Шергин Б. В. Указ. соч. С. 76–78.

¹⁴⁹ Листова Т. А. Указ. соч. С. 633.

¹⁵⁰ Буганов А. В. Что читали русские крестьяне. С. 98.

¹⁵¹ Хромов О. Р., Топурия Н. А. «Описание Иерусалима» Симона Симоновича и Христофора Жефаровича в русских лубочных изданиях: Исследование и сводный каталог книг, хранящихся в московских собраниях. М., 1996. С. 17, 84.

¹⁵² Федоров А. Е. Сельский читатель начала XX в. (по воспоминаниям А. Г. Моисеева) // Марьино. 1998. № 4. С. 112, 122.

губ. во время постов чтение проводили в школе под наблюдением местного священника и преподавателей. Кроме учащихся и малолетних детей, во время чтения книг присутствовали и взрослые: «Интерес к чтению настолько велик, что буквально в школу набивается такая масса людей, что при высоте залы четыре с половиной аршин фонарь не может долго ясно гореть и приходится несколько раз освещать зал»¹⁵³.

В с. Павлодарки Козловского у. Тамбовской губ. чтением интересовались мужчины и женщины, и даже девушки желали бы послушать, в особенности о божественном. Чтения сопровождалась демонстрацией картинам. Лекторами выступали местный священник и священник соседнего села¹⁵⁴.

Традиция читать книги духовного содержания сохранялась и в начале XX в. Об этом свидетельствуют проведенные в нескольких губерниях Центральной России массовые анкетные обследования с целью выявления грамотности крестьян¹⁵⁵.

Коллективное чтение книг было традиционным в дни поста и для Сибири, особенно среди крестьян старшего поколения. Книги покупали в городе или у бродячих разносчиков — офеней, среди которых особенно славились владимирские коробейники, доходившие зимой до Сибири¹⁵⁶. Как отмечала Т. С. Мамсик, «значительная часть сельского населения Сибири была грамотной». Некоторые крестьяне намеренно скрывали свою грамотность, поскольку она «являлась признаком, выделявшим крестьянина из сословной среды, что не всегда соответствовало его интересам». Грамотными были и многие крестьяне Каинского у. Томской губ.: «Обучаются... дома от грамотных людей»¹⁵⁷. В Тюменском у. крестьяне в зимние вечера читали, загадывали загадки¹⁵⁸.

Среди уральских крестьян «первостепенное значение имели личные библиотеки», в числе книг чаще всего можно было встретить книги духовного содержания. В свободное от полевых работ время грамотные крестьяне Зауралья «заполняли

свой досуг чтением книг, устраивали и для других коллективные читки»¹⁵⁹.

Нормы поведения в старообрядческой среде отличались большей строгостью: «Идеология старообрядчества в целом способствовала усилению культурно-бытовой регламентации и контроля за соблюдением религиозно-нравственных норм». Строгость сохранялась и в предпочтении книг духовного содержания. Среди старообрядческого населения Верхотурского уезда больше читали «Азбуки», «Псалтири», «Часовники». Некоторые из старообрядцев, например, Тюменского у., устраивали коллективные читки, на которых присутствовали многие жители села. Как отмечает Н. А. Миненко, «вообще, видимо, в репертуаре крестьянского чтения в Сибири главное место занимала богослужебная, церковно-служебная и четья литература»¹⁶⁰.

6. Пение духовных стихов

Характерной особенностью, отличавшей время наступления поста от обычных дней, было пение духовных стихов. Современный исследователь С. Е. Никитина определяет их так: «Это произведения народной поэзии религиозного характера, исполняемые во внелитургической ситуации. Это значит, что, несмотря на христианские сюжеты и идеи духовных стихов, их нельзя исполнять в церкви, во время службы, это поэзия для домашнего употребления»¹⁶¹. В репертуар входили стихи про «Бедного и богатого Лазарей», «Алексея, Божьего человека» и др.: «пение других песен считалось грехом». Даже в московских мастерских Великим постом не пели светские песни¹⁶². Запрет на исполнение светских песен и разрешение петь духовные стихи эпического характера отмечался и в старообрядческой среде Литвы¹⁶³.

А. В. Балов среди записанных им духовных песен в Пошехонском у. Ярославской губ. отметил бытование стиха о явлении святой Параскевы и о почитании праздников¹⁶⁴. В. А. Никифоров-Волгин, проводивший свое детство в Калязинском у.

¹⁵³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 667. Л. 15.

¹⁵⁴ Там же. Оп. 2. Д. 2048. Л. 2.

¹⁵⁵ Яковлев Я. А. Деревня как она есть (очерки Никольской волости). М., 1923. С. 104–105.

¹⁵⁶ Гольшев И. А. Офени-торгаши Владимирской губернии // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1875. Вып. 10. С. 91.

¹⁵⁷ Мамсик Т. С. Указ. соч. С. 105–106; Смирнова В. И. Указ. соч. С. 33.

¹⁵⁸ Зобнин Ф. Указ. соч. С. 63.

¹⁵⁹ Манькова И. Л. Круг чтения и читательские интересы // Традиционная культура русского крестьянства Урала... С. 392; Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. С. 141.

¹⁶⁰ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 150–151, 274; Миненко Н. А. Живая старина... С. 106–107.

¹⁶¹ Никитина С. Е. «Стих надо петь важно и умильно...» // ЖС. 1994. № 3. С. 33.

¹⁶² Белоусов И. А. Указ. соч. С. 345.

¹⁶³ Новиков Ю. А. Духовные стихи русских старожилов Литвы // ЖС. 1994. № 3. С. 35–37.

¹⁶⁴ Балов А. В. Духовные песни, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Ярославские губернские ведомости. 1888. № 27, 28.

Тверской губ., вспоминал, как в Прощеное воскресенье нищий Яков Гриб, приходя в их дом, пел старинный духовный стих – «Плач Адама»: «Раю, мой раю, пресветлый мой раю, ради мене сотворенный, ради Евы затворенный». Отец при этом вспоминал о старцах-слепцах, которые в прежние годы ходили по дорогам и пели песни о смертном часе, о последней трубе Архангела, об Иосафе-царевиче, о вселении в пустыню, за что их прозвали «Божьими певунами». Отец писателя, сапожник, сидя за верстаком, сам пел великопостные песни. Матерью петь духовные стихи была и прабабушка писателя. Обедая в семье писателя, Яков Гриб часто рассказывал о том, как следует питаться во время Великого поста, и приводил выдержки из жития святого Ерма и других подвижников¹⁶⁵. Примечательно, что практика соблюдения постов в народе укреплялась рассказами странников и нищих в живой и доходчивой форме о житиях известных святых.

Духовные стихи повсеместно бытовали и на Русском Севере. В Архангельской губ. помимо чтения духовной литературы в дни поста среди крестьян широко бытовала традиция петь духовные стихи. Так, по данным Т. А. Бернштам, в Поморье «был распространен обычай пения духовных стихов во время Великого поста, когда запрещалось исполнять многие другие песни. Духовные стихи могли исполнять мужчины и женщины, и, возможно, именно этот факт оказал влияние на размывание состава исполнителей былин, тем более, что «старшие» духовные стихи в народной традиции мало чем отличались от былин»¹⁶⁶.

В Архангельской губ., как и в других местах, значительная роль в их распространении принадлежала «каликам переходим». Во второй половине XIX – начале XX в. в Онежский у., на Поморский и Карельский берега (Западное Поморье) они приходили из Каргопольского у. в начале зимы, добывая своим пением пропитание на жизнь: за исполнение стихов им подавали муку, рыбу и другие продукты. Среди поморского населения ходило много записей духовных стихов. А. В. Марков, изучавший здешний фольклор, сообщал, что на Поморском берегу слушал «стихи» от калик с р. Онеги (Каргопольского у.), а также списывал их

со старообрядческих стиховников¹⁶⁷.

В Курской губ. духовные песни во время поста исполняли лирики, среди которых был известен слепой Т. И. Семенов; состав его песенного репертуара был типичен для южных губерний и напоминали украинские. М. Н. Сперанский, написавший о нем статью в «Этнографическое обозрение» в 1906 г., отметил, что среди песен курского лирика была песня и о святом Алексии Человеке Божием: «казню пятницу он исповедывался, каждую субботу пречищался»¹⁶⁸.

В Сибири во время гуляний, как и в Европейской России, во время постов, особенно Великого, не разрешалось даже петь песни, с наступлением постов «редко слышны круговые песни». Протяжные «проголосные» песни пели девушки и в деревнях по Иртышу¹⁶⁹. У старообрядцев Ветки молодежь весной также заканчивала водить «карагоды» и в посты пела лишь духовные песни религиозного содержания. Старообрядческая молодежь Верхней Камы приобщалась к пению духовных стихов до 20 лет. Пожилые женщины имели право петь духовные песни только дома¹⁷⁰.

* * *

Изучение литературы и источников показало, что в XIX – начале XX в. практика многодневных и однодневных постов была широко распространена. С наступлением поста происходила перестройка мыслей и чувств верующих, заставляя их сосредоточиться на душевных помыслах и ограничить все, что могло бы помешать углубиться в свои переживания. В этом состоит духовная сущность поста, который всегда заключался не только в следовании определенному рациону питания, но и в стремлении к самосовершенствованию. Таким образом, соблюдение постов сопровождалось духовно-нравственными задачами. Это касалось как городских, так и сельских жителей.

Подготовительные недели, или «седмицы», перед началом Великого поста постепенно настраивали верующих на изменение привычного образа жизни. Особо значимым считалось Прощеное воскресенье. Наступление поста сопровождалось переменной одежды на более скромную, а также некоторых предметов домашнего интерьера и быта.

¹⁶⁵ Никифоров-Волгин В. А. Указ. соч. С. 6, 184–185, 188.

¹⁶⁶ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья... С. 211–212.

¹⁶⁷ Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 116 (письмо А. В. Маркова В. Ф. Миллеру, 1909 г.).

¹⁶⁸ Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 10, 20.

¹⁶⁹ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 168; Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях // Отечественные записки. 1839. Т. III. № 5. С. 58–69; Миненко Н. А. Живая старина... С. 126.

¹⁷⁰ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 200; Чернышева С. Указ. соч. С. 128.

Во время постов старались чаще посещать храм и достойно подготовиться к исповеди и причастию Святых Тайн. Важную роль играл приходской священник, который в своих проповедях сообщал о значении и важности поста. Частая исповедь и причащение были нормой жизни. Пост на Страстной седмице еще более усугублялся, заставляя верующих до предела ограничивать пищевой рацион и чаще посещать храм, но тем радостнее для них была встреча Пасхи и разговенье.

Во время постов старались воздерживаться от каких-либо увеселений, ссор с близкими и соседями, заниматься благотворительностью, раздавать милостыню. В пост, как никогда более, проявлялись христианские добродетели.

Время поста вносило свои коррективы в характер общественных развлечений. В городах это относилось к театрам, маскарадам, балам и тому подобным зрелищам, которые запрещались официальными постановлениями вплоть до окончания поста, особенно Великого. В сельской среде налагался запрет на традиционные развлечения — хо-

роводы, вечерние и дневные посиделки, беседки и т.д., всевозможные увеселения молодежи озорного характера.

Старшее поколение подавало пример нравственности: в дни поста устраивались коллективные читки книг духовного содержания. В следовании установленным нормам поведения имелся элемент социализации подрастающего поколения, которое ориентировалось на установки старших и подчинялось правилам крестьянского сообщества.

В пост разрешалось петь песни только религиозного содержания, духовные стихи, тексты которых передавались из поколения в поколение.

В целом посты способствовали укреплению нравственности, воспитанию таких положительных качеств, как воздержание, умение владеть своими чувствами и желаниями. Соблюдение постов имело воспитательное значение, поскольку в каждой семье детей с раннего детства приучали поститься и причащаться. Таким образом, пост отражался в общественной, семейной и личной жизни жителей города и деревни.

